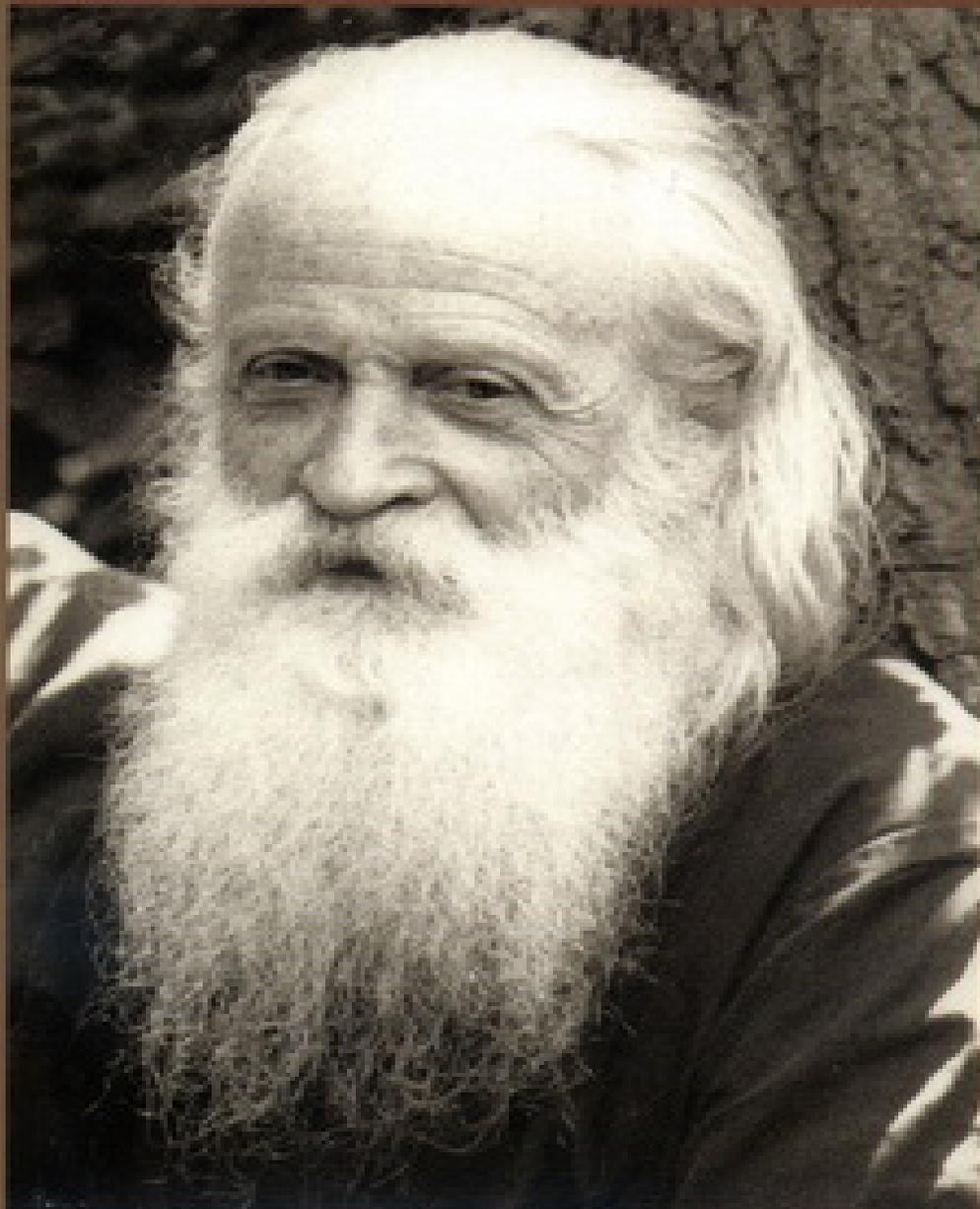

Жан-Клод
ЛАРШЕ

СТАРЕЦ
СЕРГИЙ

Жан-Клод Ларше
Старец Сергей

Содержание

Биография

Деятельность, личность и влияние

Покаяние

Молитва

Иисусова молитва

Равновесие сил и способностей в человеке

Опасность рационализма

Чтение Священного Писания

Божественные заповеди

Борьба со страстями

Гордость

Эгоизм

Осуждение ближнего

Блудные страсти

Гнев

Упадок духа, подавленность, нерадение и духовное нечувствие

Отчаяние

Роль бесовского воздействия в развитии и укоренении страстей

Борьба с помыслами - средство победы над страстями

Различение помыслов

Подвиг

Жизнь по добродетелям

Вера

Самообладание

Добродетель беспристрастия

Жить одним днем

Память смертная

Лови момент (лат.)

Терпение

Мир

Смирение

Любовь к ближнему

Любовь к Богу

Богопознание

Благодать

Святость

Цель жизни

Постоянное пребывание в Боге

Биография

Сын Георгия Шевича и Марии Струве, Кирилл Георгиевич Шевич (будущий старец Сергей), родился 3 августа (21 июля по старому стилю) 1903 года в Гааге (Нидерланды), где в качестве посла России находился его дед по материнской линии Кирилл, и куда в то время приехали погостить его родители. В Россию Георгий и Мария вернулись, когда младенцу исполнилось три недели.

Отец мальчика служил в русской армии и имел высший офицерский чин. Он был выходцем из знатного венецианского рода, которому принадлежало имение в Герцеговине. Его прадед переехал в Банат, а дед в 1752 году перебрался в Россию. Там деду был присвоен генеральский чин и доверено командование гусарским полком царской гвардии; он отличился в Бородинском сражении (1812) и был убит в битве при Лейпциге (1813) – ранение было настолько сильным, что кровью раненого оказался забрызган великий князь

Константин, сражавшийся рядом. Отец Георгия Шевича тоже принадлежал к высшему русскому офицерству.

Общественное положение позволяло Георгию Шевичу иметь большую прислугу; он нанял француза, немца и англичанина, чтобы его дети: Кирилл, Мария (Мася) и Иван – с раннего детства могли обучаться трем иностранным языкам. Благодаря этому Кирилл уже в возрасте восьми лет блестяще говорил по-французски. Он всегда с признательностью вспоминал свою кормилицу-француженку Параскеву: она не только познакомила его с языком и культурой страны, которую он так любил, но и в значительной степени заложила в нем основы благочестия.

С 1911 по 1913 г. Кирилл находился в Вилльманштранде в Финляндии, где его отец в чине полковника командовал драгунским полком. Красота этих мест произвела на него глубокое, неизгладимое впечатление. Из окон казенного дома, в котором разместилась семья, открывался удивительный вид: дом находился на возвышенности, террасные сады уступами спускались к огромному озеру Сайма, которое, докуда хватало глаз, было сплошь усеяно лесистыми островками; по крутым берегам росли ели и березы. Зимой Кирилл, который к девяти годам уже прекрасно ездил верхом, часто вместе с матерью выезжал на длительные конные прогулки по льду озера.

С юности Кирилл сохранил благоговейную память об отце Сергии, духовнике полка, который обучал мальчика по просьбе его отца закону Божию. Отец Сергей подарил Кириллу экземпляр Нового Завета на церковнославянском с параллельным русским текстом.

Мария Шевич в той части мемуаров, где она вспоминает своих детей в те годы, описывает Кирилла как смышленного, смелого, доброго и щедрого мальчика: «С самого раннего детства он был очень добрым. Когда ему было восемь, он, узнав, что гувернантка,

ухаживавшая за его братом, получила дурные известия о своей семье, так как ее сын потерял должность, принес старушке, охваченной горем и собиравшейся навестить сына и внуков, вдвое сложенный лист бумаги: «Может быть, вы передадите это от меня вашим внукам? – сказал он. – Я нарисовал им картинку. Только прошу вас: не открывайте, пока не доберетесь до места!» Кроме картинки, там оказалась ассигнация в пять рублей все его состояние на тот момент».

В 1914 отец Кирилла был назначен командиром гусарского полка императорской гвардии и «членом свиты Его Императорского Величества», поэтому Кирилл вместе с семьей переехал в Царское Село, где находился царский дворец. В возрасте одиннадцати лет, как это было принято для детей высших должностных лиц, Кириллу был присвоен почетный офицерский чин; он получил основы военного воспитания, в котором первое место отводилось верховой езде. На семейных фотографиях он предстает восседающим на ослепительно белом коне (белыми были все кони в полку гвардии, которым командовал его отец), в парадной униформе с саблей на боку – по всему видно, что он воспринимал этот чин с полной серьезностью.

В 1915-1916 годах, во время войны, семья несколько раз ездила в Кисловодск – курорт на Кавказе, а затем, в конце 1916 года, на некоторое время переехала в Тифлис, где стоял гарнизон генерала Шевича.

Во время революции 1917 года у семьи Шевич было конфисковано все имущество (в том числе и имение с лесами под Воронежем). Как многие дворянские семьи из Петербурга, они переехали в Кисловодск, где до этого уже неоднократно бывали. Город несколько раз переходил от белых к красным и обратно; несмотря на это, семейству удалось продержаться там до 1920 года.

В 1918 году, совсем еще подростком, Кирилл, как и многие его сверстники, вступил во Всероссийский Союз монархической молодежи, основанный графом Михаилом Граббе; там он повстречался с теми, кто стали его ближайшими друзьями на последующие десятилетия: Александром Казим-Бекем и князем Владимиром Романовым.

Отец Кирилла Георгий Шевич сражался в рядах Белой гвардии под командованием генерала Деникина, а затем генерала Врангеля, но в октябре 1920 года семья была вынуждена, как и многие другие, эмигрировать из России через Одессу в Константинополь. После краткого пребывания в Швейцарии (где, впрочем, Кириллу удалось сдать экзамен на степень бакалавра) семья два года прожила в Берлине. В немецкой столице Кирилл устроился служащим в банк.

Там ему удалось вдоволь насладиться столь увлекавшей его классической музыкой, в особенности оперой (он любил вспоминать, как в период бешеной инфляции ему случилось потратить свой недельный заработок на посещение концерта). В Берлине он подружился с Полом Б. Андерсоном, будущим руководителем Международного движения христианской молодежи (YMCA).

В 1923 году семья Шевич поселилась в Париже, в особняке по адресу авеню Ферме, 9, в 16-м округе. Кирилл тут же нашел работу в банке Морган, располагавшемся на Вандомской площади; ему было дано особое поручение вести текущие счета коронованных особ, князей и великих герцогов. Жил он с родителями, в их доме часто бывали видные деятели русской эмиграции: мыслители, политики, люди искусства.

В конце 1924 года Кирилл вступил в только что созданное движение младороссов. Эта политическая

организация, возглавляемая Александром Казим-Беком, имевшая резиденцию в Париже и представленная в двадцати шести странах, была самой значительной и активной силой в эмигрантской среде. Она носила национальный характер (одним из ее девизов было: «Ни белый, ни красный – русский») и была религиозно ориентированной; целью ее было восстановление в России демократической монархии (это выражалось в другом девизе: «Царь и советы», причем под советами понимались ассамблеи выборных представителей). Такая идеология ставила организацию в двусмысленное и неудобное положение: левые противники обвиняли ее в правом уклоне, правые – в левизне. Начиная с 1933 года Кирилл был казначеем движения, а вплоть до 1939 года (дата упразднения организации) входил в совет директоров (наряду с Максимилианом В. Штенгером и князем Владимиром Романовым, которые оставались его друзьями до самой его смерти). В последние годы существования организации Кирилл все более и более отдалялся от ее основателя А. Казим-Бека, так как тот сблизился с фашистским движением. Казим-Бек в своем донесении от 1944 года в Военный департамент США (куда он к тому времени эмигрировал) пишет: «Шевич является представителем монархической мысли и вместе с тем принадлежит к наиболее антифашистски настроенному крылу движения младороссов».

Движение выпускало множество печатных изданий, в которых Кирилл опубликовал ряд статей, касающихся по большей части положения Церкви в России; он утверждал, что Церкви для того, чтобы выжить, необходима полная отчужденность от политики.

Однако интересы Кирилла и его деятельность не ограничивались политическим кружком младороссов. В конце двадцатых годов он активно участвовал в собраниях Братства святого Албания и святого Сергия, в

состав которого входили англикане и православные Великобритании, заинтересованные в богословском диалоге. В это же время он посещал занятия по церковной истории, патрологии и богословию в Оксфордском университете. В тот период он написал для журнала «Вестник» несколько статей о положении Церкви в России. Кроме того, Кирилл сотрудничал с группой, занимавшейся изучением религии в России, в состав которой входили Пол Б. Андерсон, Иван А. Лаговский, отец Поль Майе (из римского Россикума) и Михаил Энден.

Когда в 1930 году митрополит Евлогий отошел от Московского Патриархата и присоединился к Церкви Константинопольской, Кирилл оказался в меньшинстве: в числе тех священников и мирян, которые решили хранить верность Матери-Церкви. Вместе с епископом Вениамином (Федченковым), иеромонахами Афанасием (Нечаевым), Стефаном (Светозаровым), Серафимом (Родионовым), Феодором (Текучевым), священниками Стефаном Стефановским, Михаилом Вельским, Димитрием Соболевым, Всеволодом Палачковским и некоторыми мирянами – в частности Николаем Бердяевым, Владимиром Лосским, Андреем Блюмом (будущим митрополитом Сурожским Антонием), Владимиром Ильиным, Михаилом Зиминым, Леонидом Успенским, Петром, Евграфом (будущим епископом Иоанном) и Максимом Ковалевскими, Георгием (будущим отцом Григорием) Кругом и Феодором Пьяновым – он участвовал в создании прихода и новой резиденции Экзархата Московской Патриархии на rue Petель, в 15-м округе Парижа.

Вместе с этим в последующие годы он продолжал сотрудничать с «Вестником».

В тридцатых годах Кирилл постоянно участвовал в собраниях молодой интеллигенции, которые проходили каждую неделю в доме философа Николая Бердяева в

Кламаре. В число собиравшихся входили богословы Владимир Лосский и Евграф Ковалевский, философы Габриэль Марсель, Эмманюэль Мунье, Морис де Гандийак и Жак Маритэн, востоковед Оливье Лякомб, специалист по исламу Луи Массиньон, литературный критик Шарль дю Бос... Каждое собрание начиналось с доклада на ту или иную богословскую или философскую тему, после чего начиналась дискуссия. Кирилл Шевич посещал и другой кружок, который организовал Жак Маритэн; с этим мыслителем до самой его кончины Шевича связывала крепкая дружба. В этих собраниях Кирилла особенно ценили, как знатока творчества Достоевского.

Вместе с тем его все больше и больше привлекала духовная жизнь. Каждый вечер он по нескольку часов проводил в молитве и неукоснительно посещал богослужения. Те, кто был знаком с ним в эти годы, вспоминают о нем как о молодом человеке, часами простаивавшем в храме абсолютно неподвижно и сосредоточившись в молитве.

Его духовником в то время был отец Афанасий (Нечаев) – первый настоятель прихода Трех Святителей на рю Петель; в России он был монахом Валаамского монастыря. Митрополит Антоний (Блум), который в те же самые годы, до самой безвременной кончины отца Афанасия в 1943 году, был его духовным чадом, описывает его как «выдающегося человека, абсолютной простоты, обходившегося малым » и разделявшего с еще более бедными, чем он сам, то немногое, что имел.

Работа Кирилла в банке была не слишком напряженной и оставляла ему много свободного времени. Он читал, перечитывал и переписывал творения отцов Церкви. В особенности он ценил «Изречения отцов-пустынников» и «Лествицу» преп. Иоанна Лествичника – их он переписал полностью.

Все более погружаясь в молитвенную жизнь и стремясь применить на практике наставления святых отцов, которые были его ежедневной духовной пищей, Кирилл почувствовал тягу к монашеской жизни. Однако семейные обстоятельства мешали ему сразу принять монашество: он должен был материально помогать родителям, сестре, племяннику и двум пожилым женщинам из прислуги. Несмотря на это, он, насколько возможно, вел монашеский образ жизни в миру. В 1938 году он поделился своей тайной мечтой стать монахом со старцем Силуаном. Тот в последнем перед кончиной письме благословил его, дав наставление, которое впоследствии оказалось пророческим: «Иди и изо всех сил взывай к людям: «Покайтесь!»».

Когда обстоятельства наконец позволили Кириллу отправиться на Афон, разразилась война.

Как бывший руководитель движения младороссов, Кирилл вместе с огромным числом своих соотечественников, подпавших под подозрение французского правительства после заключения Советско-Германского пакта о ненападении, на волне «общей ксенофобии» в конце мая 1940 года был арестован, а 31 мая интернирован в концентрационный лагерь в Вернэ. Освобожденный через некоторое время, вскоре, 22 июня 1941 года, он был вновь арестован – на сей раз германскими властями. Это произошло в тот самый день, когда силы Вермахта вторглись на территорию Советского Союза и когда Патриарх Сергей произнес речь, в которой обращался к русским православным всего мира встать на защиту своей родины. Кирилл наряду с сотнями русских эмигрантов был интернирован в лагерь в Компьени.

Суровое испытание лагерями заставило его очень глубоко почувствовать бренность и трагизм земного бытия и усилило в нем ощущение конечности жизни. Все время пребывания в Вернэ Кирилл занимался

чтением Библии и размышлением над содержанием Священного Писания; вместе с тем он все глубже погружался в практику Иисусовой молитвы, следуя примеру и советам одного из своих товарищей по заключению, отца Серафима, сердце которого горело непрестанной молитвой. В молитве прошли и месяцы его заключения в Компьени.

Когда его выпустили на свободу, он решил, не откладывая далее, осуществить свое намерение стать монахом. 18 ноября 1941 года Кирилл произнес монашеские обеты, приняв новое имя в честь преподобного Сергия Валаамского. В то время он жил у своего духовника архимандрита Стефана (Светозарова), настоятеля Свято-Троицкого прихода в Ванве (департамент О-де-Сэн), который обучал его основам монашеской жизни в соответствии с духовными традициями Валаамского монастыря, где он прежде жил. Отец Сергей активно участвовал в жизни прихода, занимаясь главным образом помощью верующим, оказавшимся в беде. Среди них был и Георгий (будущий отец Григорий) Круг, талантливый художник, который изучал иконографию и писал иконы в одно время со своим другом Леонидом Успенским, но на протяжении долгих лет страдал психическим расстройством, повергавшим его в глубокое уныние и отчаяние. Когда Круг с 6 ноября 1942 года по 1 июля 1943-го находился в госпитале Святой Анны, отец Сергей каждый день приходил к нему, с безграничной любовью и преданностью разделяя его страдание. Участие, которое проявил отец Сергей, казалось настолько благотворно, что Георгия Круга выписали из госпиталя.

По благословению владыки Николая Крутицкого 11 сентября 1945 года епископ Владимир (Тихоницкий) рукоположил отца Сергия в Александро-Невском соборе на рю Дарю в диаконы, а 12 сентября - в иереи; отец Сергей был назначен настоятелем храма Пресвятой

Троицы в Ванве вместо отца Стефана, которого перевели настоятелем в храм Трех Святителей на рю Петель.

Вскоре к должности настоятеля у отца Сергия прибавились еще и обязанности игумена скита Святого Духа в Мениль-Сэн-Дэни близ Трапп (Ивлин), основатель которого, отец Андрей Сергиенко, вернулся в Россию.

После иерейской хиротонии отец Сергей смог принимать исповедь у Георгия Круга и быть его духовным наставником, обеспечивая ему всю необходимую помощь.

В октябре 1945 года Георгий Круг поселился у отца Сергия, вокруг которого уже сложилась небольшая монашеская община, куда входили монахини Анастасия (Булацель), Феодосия (Орлова) и Анна (Кипарисова). В то время Георгий Круг с полной отдачей участвовал в жизни храма, при котором он трудился чтецом. Вновь после долгого перерыва он стал писать иконы. Благодаря заботам и молитвам отца Сергия его душевное состояние постепенно налаживалось и в конце концов нормализовалось. Вскоре он почувствовал желание стать монахом и принял постриг в первую неделю Великого поста 1948 года; его небесным покровителем стал Григорий Иконописец. Несколько месяцев спустя по благословению отца Сергия он поселился в скиту Святого Духа, очарованный красотой и умиротворенностью этого места, но при этом регулярно приезжал в Ванв, чтобы участвовать в качестве чтеца в приходских богослужениях. Отец Сергей с тех самых пор стал делить свое время между храмом в Ванве и скитом, где он каждую неделю совершал литургию и старался хоть какое-то время побыть рядом с отцом Григорием, с которым его теперь связывала крепкая дружба, не прекращавшаяся вплоть до смерти последнего 12 июня 1969 года. Отец Григорий тем временем развивал свой художественный

талант – становилось ясно, что он является одним из самых выдающихся иконописцев всех времен.

Когда в 1946 году юрисдикции Русской Православной Церкви в Западной Европе, на какое-то время воссоединившись, раскололись вновь, отец Сергей – как и его друзья Николай Бердяев, Леонид Успенский и Григорий Круг – остался в подчинении Московскому Патриархату, не руководствуясь никакими политическими соображениями, просто из верности Матери-Церкви.

Став монахом, отец Сергей окончательно отказался от убеждений, которых придерживался, будучи активным членом движения младороссов. Если он и оставался дружен со многими из его бывших руководителей, то только из личной симпатии. Что же касается политики, то теперь он рассматривал ее лишь с моральных и духовных позиций. Нам неоднократно приходилось быть свидетелями абсолютной независимости его суждений на этот счет, к тем, кто, рискуя собственной жизнью, оставались в России, чтобы любой ценой поддерживать само существование Церкви.

В этот период отец Сергей вел продолжительную переписку с известным игуменом и духовником Валаамского монастыря старцем Харитоном, от которого получил множество ценных наставлений для своей духовной жизни.

С февраля по апрель 1947 года отец Сергей совершил первое путешествие и первое паломничество в Россию; его сопровождали протоиерей Андрей Сергиенко и будущий епископ Серафим (Родионов). По возвращении он получил приглашение от Братства святого Албания и святого Сергия приехать в Англию и провести ряд публичных чтений о положении Церкви в России.

Только в 1977 году, по случаю интронизации Патриарха Пимена, он опять приехал в Россию; на этот раз его сопровождали владыка Петр (Л"Юилье) и протоиерей Александр Туринцев.

Других поездок отец Сергей, уже будучи монахом, не предпринимал, чтобы ничем не нарушать череду богослужений на приходе и постоянно быть в распоряжении тех, кому он был нужен.

Отец Сергей, очень трепетно относившийся к России и к употреблению за богослужением церковнославянского языка, при этом отнюдь не был филетистом. Он обладал поистине вселенским видением Церкви и свободно принимал монахов разных национальностей, которые искали его духовного руководства, а также православных французов, которые в конце шестидесятых годов стали пополнять ряды прихожан храма в Ванве. Отцу Сергию благодаря его любви, смирению и деликатности всегда удавалось поддерживать на своем приходе атмосферу единства и братства, несмотря на то что его прихожане были очень разными людьми. При этом он безоговорочно принимал и верующих из других юрисдикций, которые приходили к нему исповедоваться или просить духовного совета.

В 1985 году, в начале Великого поста, отец Сергей тяжело заболел. Служить он смог лишь несколько месяцев спустя, и то при условии, чтобы его поддерживали. В начале октября 1986 года болезнь в еще более тяжелой форме, чем в предыдущий раз, вновь поразила его. Отца Сергия положили в госпиталь в Курбевуа, в отделение, где заведующим был его знакомый доктор Фома Эфтимииу, который до этого, не жалея сил, лечил отца Григория Круга в последние месяцы его жизни. Обследование показало обширный плеврит, для лечения которого потребовалось несколько месяцев. Отцу Сергию удалось вернуться в Ванв, но 3 июня 1987 года у него случился

односторонний паралич, и его снова госпитализировали. Рентгеновский снимок показал множественное раковое поражение органов тела. 25 июля отец Сергей причастился и в шесть часов пять минут вечера, когда в церкви в Ванве началось всенощное бдение, в кротком и умиротворенном состоянии духа отошел ко Господу.

Деятельность, личность и влияние

Отец Сергей с момента рукоположения и до начала тяжелой болезни, которая закончилась смертью, непрестанно трудился – и как священнослужитель, и как пастырь.

Значительная доля его времени была посвящена богослужению, которое он считал своим долгом совершать во всей полноте и со всей точностью, требуемой Типиконом, не опуская ни одной молитвы и ни одного песнопения, никогда не сообразуясь с собственными силами и зачастую даже до полного изнеможения. Помимо Господских и Богородичных праздников, он служил в многочисленные дни памяти своих любимых святых. Во время Великого поста службы длились по восемь часов в день. Отец Сергей совершал свои службы степенно, в размеренном и даже медленном ритме, тихим, почти слабым голосом, без искусственности и напыщенности, естественно, в простоте, смирении, в сердечном сокрушении, в мире и кротости; благодаря этому службы были необычайно глубокими, способствовали сосредоточенности всех присутствовавших и создавали как в скиту Святого Духа, так и в Ванве совершенно особую духовную атмосферу. Каждая литургия, совершаемая отцом Сергием, становилась настоящим тайноводительством.

Помимо этого, всю свою жизнь отец Сергей посвящал постоянной заботе обо всех тех, кого Господь вверил его пастырскому попечению. Без усталости бороздя

Париж и его окрестности, навещая больных и престарелых, помогая нуждающимся, утешая страдающих, провожая в последний путь умирающих, он, как бы ни складывались обстоятельства, никогда не отказывал тем, кто просил его приехать, нуждаясь в его совете или его молитвах, становясь всем для всех, всегда был готов откликнуться и отдавал все свое время, никогда его не рассчитывая. Дома он постоянно отвечал на многочисленные письма, приходившие на его адрес, или на протяжении долгих часов выслушивал по телефону тех, кто звонил из Франции или из-за границы, ища его помощи.

Любовь к ближнему у отца Сергия проявлялась и по отношению к тем, кто уже покинул этот мир: молитва об усопших занимала в его монашеской жизни и в пастырской деятельности совершенно особое место. Число усопших, которых ему хотелось помянуть за воскресной литургией, было настолько велико, что проскомидию приходилось начинать в восемь тридцать, тогда как сама литургия начиналась только в одиннадцать; заупокойные службы в Ванвском храме длились очень подолгу, так как отец Сергей читал на них листки различных размеров, многие из которых пожелтели от времени или истрепались от того, что он много раз держал их в руках, с именами покойных, среди которых были не только его близкие и новопреставленные, но и все ушедшие из жизни прихожане с момента основания храма и все усопшие, о которых он как-либо узнал. Таким образом, поминались тысячи имен, для каждого из которых призывалась спасительная благодать милостивого Бога. Чувствовалось, что для отца Сергия мертвые всегда присутствовали рядом, что для него не было пропасти между их миром и миром живых: в Церкви, превосходящей категории времени, все были современниками, являясь членами Тела Того, Кто есть

Жизнь вечная, все постоянно и в равной мере заслуживали внимания и любви.

Отец Сергей был еще и очень известным духовником, старцем исключительного духовного масштаба. Его выбрали своим духовным отцом такие люди, как Николай Бердяев и Владимир Лосский; у него не стеснялись просить совета во время визитов во Францию архиереи (многие из которых сейчас являются митрополитами и епископами различных патриархатов), игумены (в числе которых – два очень известных афонских игумена), священники, монахи и миряне со всего света. Многие, часто известные, представители русской интеллигенции, порой тайно исповедовавшие Православие писатели, поэты, художники, философы, историки, кинематографисты и театральные режиссеры, находившиеся во Франции в эмиграции или по профессиональной необходимости, вплоть до начала его тяжелой болезни приезжали к нему побеседовать или поисповедоваться. Как многие другие, менее известные или вовсе не известные миру, но пред Господом и в глазах отца Сергея равные друг другу в своей вере и в своем покаянии, они находили в лице старца человека, обладающего необычайной способностью выслушать, понять и проявить сострадание.

Когда случалось исповедоваться отцу Сергию, то очень живо ощущалось его мощное духовное присутствие и наряду с этим полный отход на задний план его индивидуальных черт – казалось, что старец становился полностью прозрачным, проницаемым для Бога. Слушая с великим вниманием того, кто находился рядом с ним, очень глубоко сопереживая раскаянию в грехах и даже беря на себя часть этой тяжести, молясь за него перед исповедью, во время и после нее, отец Сергей помогал кающемуся почувствовать напрямую, в меру силы его покаяния, милосердие и утешающую

благодать Божию. Помимо впечатления от одного только его присутствия, человек ощущал и силу его слова. Отец Сергей стяжал дар сердцеведения, то есть способность читать в сердцах, - редкий дар, подаваемый Духом Святым только тем, кто обладает добродетелью смирения и любви к ближнему. Благодаря этому дару он находил для кающегося такие слова, которые могли его утешить и исцелить, и действие этих слов, по милости Господа, от Которого они в действительности исходили, часто оказывалось мгновенным: каждый после исповеди чувствовал в своей душе легкость, чистоту, состояние исцеленности, свободу, успокоение.

Старец Сергей умел давать каждому такие советы, которые в точности подходили к его личности, его состоянию, положению, ситуации. Отцу Сергию было открыто сердце каждого, и он видел далеко за пределами того, что произносилось во время исповеди; его советы были порой неожиданными для того, кто их слышал: они относились к мыслям или поступкам, о которых исповедовавшийся не рассказывал, или к состояниям и склонностям, неизвестным самому человеку. Но рано или поздно истинность его советов обнаруживалась, и оказывалось, что каждому они четко указывали волю Божию. Отец Сергей, когда давал советы, не сыпал словами. Его речь всегда была сдержанной. Он не расточал праздных, бесполезных слов. Все, что он произносил, было необходимым, существенным. Каждое из произносимых им слов было исполнено тепла и силы. Воистину его действие заключалось не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1Кор. 2:4). И поэтому тот, кто его слышал, преображался и оказывался во власти благодати, которая и помогала ему достичь этого преображения.

Это были поистине старческие качества, и благодаря им его считали старцем далеко за пределами Франции наиболее выдающиеся духовные люди нашего времени, такие, как архимандрит Софроний, с которым его всегда связывала крепкая дружба, отец Иустин (Попович) или афонские старцы: отец Ефрем Катунский, отец Харалампий и отец Паисий. Однако учеников у него было очень немного. Это объясняется прежде всего его великим смирением, из-за которого он всегда отвергал роль не только «руководителя» или наставника, но даже духовного отца, будучи и в этом послушным заповеди Христа: А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос (Мф. 23:8-10). Само это смирение в сочетании с глубоким благоговением перед духовной реальностью и с обостренным чувством сокровенного заставляло его избегать рассуждений и поучений на духовные темы, и часто он сам уводил разговор в сторону, рассуждая о вещах житейских. Он любил повторять, что духовная жизнь и состоит в том, чтобы быть, а не в том, чтобы говорить, подчеркивая опасность того, чтобы говорить о чем-то, чем сам не являешься, и словами низвести сокровенное до поверхностного. По этой причине отец Сергей никогда не произносил проповедей. Иногда только он ограничивался тем, что по издавна сложившейся монашеской традиции зачитывал какой-нибудь святоотеческий текст.

Чтобы он принял кого-то в свои духовные чада, следовало просить его настойчиво, многократно, следовало буквально не давать ему покоя, так как он постоянно избегал этого, считая себя недостойным звания отца. Но если он все-таки принимал вас, то брал на поруки полностью, принимая на себя и перенося

лично ваши немощи и ваши трудности, страдая из-за них, молясь о вас день и ночь, незримо присутствуя рядом с вами, поддерживая вас во всех ваших испытаниях и в каждом из ваших усилий. Вы становились как бы одной из частей его тела, плотью от плоти.

Многие духовные чада отца Сергия, страдавшие тяжелейшими духовными или психическими недугами, смогли избавиться от них после того, как он соприсутствовал им в этом внутреннем мраке. Так, в частности, известно, что он сыграл решающую роль в судьбе отца Григория Круга, который жил рядом с ним на протяжении более двадцати лет, и каких духовных высот достиг тот, успешно преодолев, благодаря постоянной помощи со стороны отца Сергия, тяжелейшие испытания.

Это постоянное присутствие отца Сергия рядом со своими духовными чадами не было вместе с тем подавляющим. Посвящая себя каждому целиком, он тем не менее оставался очень корректным, не забывая, что является отцом лишь по образу Отца Небесного, от Которого происходит всякое отцовство, постоянно отходя в тень, как раб перед хозяином, буквально воплощая в жизни слова Иоанна Крестителя: Ему должно расти, а мне умяляться (Ин. 3:30). Отец Сергий, уподобляясь Богу в своем уважении к человеческой свободе, никогда не навязывал ни себя, ни чего бы то ни было. Тот, кто находился под его духовным покровительством, научался свободе чад Божиих. Это ученичество было одним из самых трудных, и поэтому многие предпочитали его наставничеству – сдержанному и верящему в свободу воли каждого и в силу благодати – более жесткое духовное руководство со стороны других священников.

Духовное руководство отца Сергия было деятельным, в нем не было места теоретическим

выкладкам. Всех обращавшихся к нему интеллектуалов он призывал к самому трудному для них подвигу: распятию разума, отречению от премудрости века сего. Он, совсем как его друг, отец Софроний, считал, что интеллектуалы вступают в духовную жизнь с огромным лишним грузом. Отец Сергей разделял ненависть глубоко почитаемого им Достоевского к «эвклидовскому уму», к слепому рационализму. Он отвергал даже умозрительные богословские построения, которые в наши дни нередко подменяют собой духовность.

Некоторые считали такую позицию проявлением обскурантизма, и это, естественно, заставляло их отдаляться от отца Сергея, который казался им «простецом» в том пренебрежительном смысле, какой вкладывают в это слово почитатели премудрости века сего. Но позиция отца Сергея соответствовала вершине духовной эволюции, венцу подвижнического пути, который греческими святыми отцами назван *aplosis* – «простота». Мы уже говорили, что, прежде чем стать монахом, он активно участвовал в собраниях Николая Бердяева и Жака Маритэна, куда приходили наиболее выдающиеся представители верующей интеллигенции того времени.

Однако отец Сергей осознал, что истинное знание – не плод умственных усилий или интеллектуальных операций, а дар Святого Духа, посылаемый независимо от всякого разумения и рассуждения тому, кто благодаря подвигу очистился от страстей и стяжал добродетели – в особенности самые главные: смирение и любовь. Из учения святых отцов и из собственного опыта ему было ясно также, что это знание открывается тому, кто стяжал чистую и непрестанную молитву: богослов – тот, кто чисто молится. Вот почему в первую очередь отец Сергей в своих советах духовным чадам настаивал на необходимости исполнять заповеди и молиться.

Он говорил о том, что молиться следует постоянно, и помогал каждому в его жизненных обстоятельствах достичь этого. В духе исихастской традиции, великим представителем которой он являлся, он часто повторял, что молитва так же необходима для жизни души, как воздух необходим телу, что молитва – это дыхание души, что без нее душа как бы мертва, и поэтому молиться нужно так же часто, как вдыхать и выдыхать воздух. Он говорил так, зная об этом не понаслышке, так как его дыхание уже давно стало молитвой.

В то же время он подчеркивал, что молитва имеет ценность, лишь когда она совершается в чистом сердце, то есть если она сопровождается исполнением всех заповедей. Но соблюдение заповедей при этом он понимал ни в коем случае не как формальность. Говоря об этом, он был чужд всякого морализма: совсем как преп. Исаак Сирийский, в заповедях он видел средства, данные Богом человеку для преображения, чтобы он мог стать «новой тварью» во Христе. Он любил напоминать слова Писания: Все это дано вам, чтобы вы переменились.

В особенности настойчиво отец Сергей говорил о необходимости постоянно приносить покаяние, в сердечном сокрушении непрестанно просить у Господа прощения – не только за то, что сотворил зло, но и за то, что не сотворил добра, а также за свое падшее состояние удаленности от Бога. Святой старец Силуан писал ему: «Иди и как можно чаще говори людям: «Кайтесь!»» Но, прежде чем призывать к покаянию других, отец Сергей исполнил это сам. Благодаря этому он постоянно находился пред Богом в состоянии великого сокрушения. Покаяние в его понимании было не только наиболее подходящим средством духовного обращения человека в смысле его сущностного преображения в Боге, но еще и лекарством, которое Бог дает ему, чтобы тот смог очиститься от всех своих

грехов и исцелиться от всех патологических духовных состояний, чтобы стать недоступным для действия духовных противников – сатаны и бесов, о действии которых отец Сергей часто упоминал и против которых он обладал поразительным даром различения и уникальной силой.

В его советах важное место занимали также и рассуждения эсхатологического плана. Пережитые им русская революция, эмиграция, лагеря, постепенный уход из жизни его родственников и прихожан, а также его постоянное духовное попечение об усопших, безразличие к миру и укорененность его жизни в вечности в сочетании с глубоко прочувствованным монашеским призванием способствовали тому, что у него сформировалось очень острое ощущение хрупкости и непостоянства земной жизни. Как и святые подвижники первых веков христианства, он настоятельно советовал всем иметь «память смертную» и проживать каждый день так, как если бы он был последним. Этим он вовсе не стремился обесценить для каждого человека то, чем тот живет, но, напротив, желал помочь прожить это с максимальным духовным напряжением. Вот, в частности, его слова: «Нужно проживать каждый день, как если бы он был последним, но при этом не следует говорить, что один день не имеет значения. Если истинно, что в очах Господних «тысяча лет – как один день», то так же верно и то, что каждый день столь же важен, как тысяча лет». В его понимании память смертная в сочетании с молитвой является хорошим средством отличать важное, насущное от второстепенного, сосредоточиться на «едином на потребу», однако при этом каждая подробность земного существования имеет огромное значение, если она переживается в Боге.

Сам будучи «не от мира сего», отец Сергей вместе с тем очень интересовался и принимал близко к сердцу все, что волновало людей, близких или далеких, знакомых или незнакомых, которые в этом мире жили. Он подписывался на множество газет и еженедельников, но читал их не с целью развлечься, а чтобы узнать обо всех радостных или печальных событиях, происходивших в мире, и разделить то, что он называл «Голгофой страдающего человечества». Таким образом он каждый день сопереживал вполне конкретным горестям всех людей и молился за весь мир. С особым вниманием он следил за всем, что происходило в России, глубоко и самоотверженно сочувствуя трудностям и страданиям своих соотечественников, всегда подтверждая свою солидарность и единство с ними через принадлежность к патриаршей Церкви.

Отец Сергей обладал безграничной любовью к ближнему. Он одинаково обходился со всеми людьми – независимо от их социального положения, независимо от того, праведниками они были или грешниками. Он принимал всех, кто приходил к нему, с неизменной улыбкой, полной радости и доброты. По отношению ко всем он проявлял равную доброжелательность, равное беспредельное терпение, равную кротость. Последнее качество являлось его отличительной чертой и с первых же минут поражало всех его собеседников – это было вовсе не природным даром, а добродетелью, полученной от Бога после множества аскетических усилий, направленных на то, чтобы обуздать собственный страстный характер и вспыльчивость.

Очень строгий к самому себе, отец Сергей был чрезвычайно снисходителен к другим. Он никогда не порицал и не осуждал никого, так как в осуждении ближнего он видел одно из сильнейших проявлений самой ужасной страсти – гордости, причины падения

ангелов и грехопадения рода человеческого. Очень строгий в том, что касается основ православной веры и исполнения заповедей, он всегда старался делать различие между тем, кто согрешает, и его грехом, между тем, кто ошибается, и его ошибкой, порицая грехи и ошибки, но сострадая грешниками и заблуждающимся.

Все, кто был с ним знаком, знают, насколько он был тактичен, деликатен, осторожен в том, чтобы не задеть чувства человека, какое внимание он уделял каждому в любых обстоятельствах. И всем известно, насколько он был самоотверженным. Он никогда не думал о самом себе, никогда о себе не говорил, его целиком занимали заботы о тех, кто был ему поручен; он чувствовал себя в ответе за всех. Когда его спрашивали, как у него дела, он неизменно отвечал: «Н. заболела, Н. положили в больницу, Н. в трудном положении...»

Он считал, что молитва – самое лучшее средство для того, чтобы приучить себя ощущать присутствие ближнего, как бы далеко он ни находился, глубоко понимать его нужды и быть в состоянии ему помочь.

Мы уже упоминали о смирении отца Сергия; его смирение пред Богом и перед людьми было огромным. Множество раз ему прочили епископский сан, и каждый раз он отказывался, с улыбкой вспоминая монашескую поговорку о том, что «епископ – это падший монах». Он воздерживался от всех появлений на публике, не связанных напрямую с его священническим долгом, от участия в телепередачах, на которые его настойчиво приглашали, был равнодушен к почестям, знакам отличия и славе, приходящей от людей; в этом он твердо следовал совету святых подвижников стараться жить в миру неизвестным для всех. Благодаря этому он был прославлен у Бога и мог изливать во имя Его на всех, кто имел счастье быть с ним рядом, Его благодать.

Отец Сергей был человеком исключительной чистоты, и это с восхищением отмечали знавшие его великие подвижники нашего времени. Благодаря чистоте и смирению Бог и подал ему дар сердцеведения, а за непрестанную молитву Он сделал его избранным созерцателем Своего нетварного Света. Все, кто встречался с отцом Сергием, поражались светопроницаемостью, прозрачностью его лица и необычайной лучистости, постоянно исходившей от него.

Даже своим телом отец Сергей свидетельствовал об осуществлении Божественного обетования, являя собой задаток преображения и обожения, которые воплотятся во всей полноте уже в ином мире; было очевидно, что он достиг того, что, как и другие святые, полагал целью христианской жизни, – стяжания Святого Духа.

Покаяние

В основе всего учения старца Сергия лежит понятие покаяния. В этом проявляется глубокая верность старца Евангелию, поскольку учение святого Иоанна Крестителя, подготавливавшего проповедь Спасителя и делавшего прямыми пути Господу (см.: Мк. 1:3), также начинается с призыва к покаянию (см.: Мф. 3:8; Мк. 1:4-5; Лк. 3:3-8); так же начинается и учение Самого Христа: Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мф. 4:17; см.: Мк. 1:15). Несомненно, в этом следует видеть и стремление выполнить то глубоко подействовавшее на будущего старца Сергия наставление, которое за несколько дней до своей кончины дал ему в своем письме преподобный Силуан; в этом призыве – вся суть его духовного учения: «Вы – мой брат во Христе, возлюбленный Господом за покаяние. Как можно чаще говорите людям: «Кайтесь!»»

Без всякого сомнения, в духовном учении старца Сергия призыв к покаянию и призыв к молитве встречаются наиболее часто.

Он считал, что покаяние должно присутствовать в начале, в середине и в конце духовного пути. Человек должен начинать каяться с момента пробуждения и продолжать вплоть до той минуты, когда засыпает; между двумя этими моментами покаяние должно быть непрерывным. Как преподобный Исаак Сирин, старец Сергей считал, что каждый человек нуждается в покаянии до самого последнего вздоха.

Старец Сергей различал: а) раскаяние, которое человек испытывает в отношении того или иного совершенного им греха, и б) покаяние, которое он приносит в связи со своим грешным состоянием вообще.

А. Первая форма покаяния - насущная необходимость: не приносить покаяния означает пребывать во грехе, быть отсеченным от Церкви и поэтому лишенным благодати.

В нем различаются три этапа:

покаяться в грехе, как только его совершил;
вспомнить о нем на исходе дня и вновь попросить у Бога за него прощения;
исповедать его и покаяться в нем в Таинстве Исповеди.

О каждом из этих этапов старец Сергей говорит подробно.

Третий этап позволяет получить полное и окончательное прощение греха, который исповедан с покаянием. Отныне его следует считать несуществующим, более о нем не думать и считать Божественное прощение началом новой жизни.

Первый же этап позволяет получить у Бога прощение тогда, когда дело касается незначительных грехов и в особенности дурных помыслов: «Если у кого-то возникает дурной помысел, и он кается в этом, желая

думать и действовать иначе, этот грех стирается тотчас же».

Очень настойчиво говорит старец Сергей о втором этапе: конец каждого дня должен быть «ударным моментом» покаяния, которому следует посвящать, даже если нет времени или сил, хотя бы несколько секунд. В этот момент покаяние заключается прежде всего в подробном исследовании совести, то есть в том, чтобы подвергнуть духовной критике все, что было сделано на протяжении дня, чтобы рассмотреть все, что было сделано плохого, а также все то хорошее, чего мы не сделали, и все, что было сделано нами плохо (в частности, все то, что сопровождалось страстными помыслами), а затем в состоянии искреннего сокрушения испросить у Бога прощения за все то, чем мы проявили свое непослушание Его воле. Итак, по отношению к прошлому покаяние является сожалением, по отношению к настоящему и будущему – это воля к тому, чтобы не допускать греха и творить добро.

Этот второй аспект покаяния в особенности важен, так как он позволяет человеку избежать психологической зависимости от совершенных грехов и не оставаться их должником. По этой же причине при покаянии никогда не следует в подробностях вспоминать допущенные грехи или болезненно копаться в прошлом. Старец Сергей настойчиво говорит и о необходимости растождествить себя с прошлым в том, что касается его дурных сторон, и проживать каждый день как бы сызнова, а также не чувствовать себя пораженным своим грехом, а рассматривать его как нечто совершенно чуждое нашей истинной природе. Бесы хотят, чтобы мы отождествляли себя с нашим грехом, чтобы повергались в отчаяние, но на эту уловку мы поддаваться не должны.

Старец Сергей различает и вторую форму покаяния, более всеобъемлющую и более постоянную,

которой скорее соответствует слово «сокрушение» (у греческих святых отцов это выражается термином *penthos*). В его понимании эта форма покаяния не менее важна и необходима.

Во-первых, нужно каяться в грехах, которые мы совершили неосознанно. Это парадокс, так как в принципе человек несет ответственность только за те грехи, которые он совершил осознанно – то есть зная, что он совершает зло и имея намерение так поступить. Однако совесть христианина куда более требовательна. Многие церковные молитвы содержат в себе обращенную к Богу просьбу простить грешнику его грехи ведомые и неведомые, совершенные сознательно или по недосмотру («ведением» или «неведением»). Мы часто причиняем зло ближнему, не желая этого и не отдавая себе в этом отчета; хотя у нас и нет дурного намерения, человек претерпевает зло по нашей вине. К тому же и по отношению к Богу мы допускаем грехи, которые ограниченность нашей совести и слабость нашего нравственного чувства, а также нашей способности к духовному различению не позволяют нам видеть. Вот почему старец Сергей считал, что покаяние должно включать и осознание грехов такого рода, о которых мы просим Бога: «Прости мне мои грехи, которых я не знаю, мои грехи, которых я не осознаю».

Во-вторых, дело не только в том, чтобы каяться в совершенных грехах, – нужно также приносить покаяние во всем, чего не хватает в нашей душе и в наших поступках, то есть во всем том, что мы должны были сделать, чтобы исполнить волю Божию, и могли, но не сделали, и во всем том, что мы сделали плохо. Так, мы должны каяться в том, что недостаточно любим Бога и своего ближнего, что мы не имеем достаточно сострадания к другим и недостаточно молимся Богу...

В-третьих, нужно каяться в нашем грешном состоянии, то есть в том состоянии, которое является

следствием грехопадения прародителей и которое каждый из нас унаследовал при рождении, которое заключается прежде всего в разобщенности с Богом – не только личной и добровольной, но и онтологической. «Мы должны каяться в том, что мы такие, какие мы есть», – утверждал старец Сергей, – то есть в последствиях нашей удаленности от Бога: в нашем несовершенстве, в нашей слабости, в нашем бессилии.

Более того, нужно каяться в том, что наше падшее состояние распространилось после грехопадения прародителей на весь мир. Эта мысль старца Сергия ставит его в один ряд с великими русскими духовными наставниками, которые говорили о причастности всего человечества греху, поразившему собой тварный мир; ту же мысль высказывает в «Братьях Карамазовых» Достоевский устами старца Зосимы: «Всякий из нас пред всеми во всем виноват».

При этом старец Сергей считал, что в том, что касается собственных душевных недостатков, ни у кого из нас не может быть оправданий: внешние обстоятельства никогда не могут служить оправданием изъяснов в нашей внутренней жизни, и в случае, когда чего-то в нас недостает, следует обратиться к покаянию.

Покаяние – это необходимость для каждого человека, так как каждый грешен или во всяком случае причастен падшему состоянию. Тот, кто полагает, будто бы не нуждается в покаянии, пребывает в прелести. Вот почему «Бог предпочитает кого-то, кто грешит и кается, тому, кто думает, будто бы безгрешен, и не приносит покаяния».

Как постоянное состояние, покаяние – это внутреннее душевное расположение, подразумевающее страх Божий, память смертную и прежде всего смирение, в котором человек с сожалением признает

собственную немощь, слабость и ничтожество пред Богом.

Как пример покаяния старец Сергей приводил благоразумного разбойника на кресте – его внутреннее состояние включало в себя все перечисленные оттенки. Тот факт, что каждый из нас может умереть в ближайшее мгновение, вызывает необходимость обратиться к покаянию безотлагательно: только оно позволяет человеку оказаться в момент смерти достойным войти в Царствие Небесное и быть со Христом.

Покаяние для старца Сергея является как бы «ключом к духовной жизни». В его понимании это лекарство от всех недугов и решение всех духовных трудностей, с которыми может встретиться человек.

Именно покаяние позволяет получить у Бога оставление совершенных грехов, сколь бы они ни были тяжкими (единственный грех, который нельзя простить, – это тот, за который не просят прощения). Именно оно помогает нам очищаться от дурных помыслов и таким образом постепенно избавляться от страстей. Именно оно, когда мы находимся в дурном расположении духа – например, пребываем в печали, или подавленности, или оцепенении, в забвении или в духовном окаменении, – дает нам возможность быстро выйти из такого состояния. Именно оно помогает нам молиться, когда мы не испытываем к этому расположения; именно оно дарует нам внутреннюю чистоту, необходимую для молитвы; именно оно позволяет продолжать молитву, когда нам хочется ее прервать, и молиться лучше, когда мы молимся плохо – например, молиться глубоко, а не поверхностно, так как покаяние вместе с неотделимым от него смирением в наибольшей степени способствует соединению ума с сердцем.

Как только что-то по какой бы то ни было причине начинает «не ладиться», следует тут же обратиться к

покаянию.

Покаяние позволяет нам не только получить от Бога прощение наших прошлых грехов, но и воздвигнуть оружие против грехов настоящих и будущих, сделать так, чтобы дурные помыслы не проникли внутрь нас. Тогда оно укореняет ум в сердце, охраняя его, ибо «если мы укрепились в сердце, как в окопе, мы уже в полной безопасности».

Отсутствие покаяния – не только связанного с тем или иным грехом, но и постоянного – в понимании старца Сергия является грехом. Поэтому покаяние должно стать предметом усилий и дисциплины с нашей стороны (ибо оно редко бывает самопроизвольным). Старец Сергий не переставал повторять – и в этом одна из наиболее ярких и самобытных примет его учения, – что нужно каяться в том, что не испытываешь покаяния, и просить у Бога прощения за то, что не просишь у Него прощения. И когда нам не удастся покаяться, нужно каяться в том, что нам это не удастся. Иными словами, за покаянием всегда должно оставаться последнее слово. Это прекрасное средство приучить себя к покаянию и позволить ему стать в нас постоянным душевным расположением, непрекращающимся состоянием.

Однако это не означает, что покаяния можно добиться только собственными силами: как привычное состояние, оно является добродетелью, даром Божиим, о котором нужно просить у Бога, не только в связи с тем или иным обстоятельством, но и постоянно: для этого у нас есть Иисусова молитва, которая, будучи постоянной, позволяет нам постоянно получать от Бога помощь.

Собственно покаяние, по мысли старца Сергия, является состоянием всех святых и естественным состоянием для христианина. Следовательно, мы должны к нему стремиться всеми своими силами и всеми нашими молитвами. Тогда оно станет для нас

мощной движущей силой нашего духовного возрастания.

Молитва

Первостепенное место в учении старца Сергия отводится и молитве. Говоря о молитве, старец Сергий подразумевал все формы молитвы, которые верующий может обрести в Церкви. Сам он был ревностным поборником богослужения, которое, как священнослужитель и вместе с тем монах, он считал своим долгом совершать без сокращений и в точном соответствии с Типиконом. Он рекомендовал придерживаться молитвенного правила, которое принято в Церкви для вечерних и утренних молитв. Молитва Ефрема Сирина, по его мнению, на время Великого поста должна являться тем минимумом, что положен человеку в день. Вместе с тем, говоря о том, что молитва должна быть постоянной (см. соответствующий раздел), он почти всегда подразумевал Иисусову молитву: именно по той причине, что такая форма молитвы в силу своей краткости и повторяющегося характера, с одной стороны, совместима с любой работой, которую выполняет человек, а с другой стороны, может быть постоянной на протяжении всего дня, когда человек занят повседневными делами, и распространяться даже на время сна. Кроме того, он считал, что творить Иисусову молитву следует и во время богослужения, так как это позволяет переживать службу и участвовать в ней более глубоко.

Во всех своих формах молитва включает два аспекта: во-первых, это просьба о помощи, во-вторых – созерцание, которое часто принимает форму благодарения. И этот второй аспект не должен заставлять нас пренебрегать первым, так как мысль о

том, что можно обойтись без помощи Божией, – проявление гордости.

Просьба о помощи должна касаться духовных вещей, а не материальных. Но если мы просим духовной помощи, Бог подает нам и материальное благо, что полезно для нашей души; но прежде всего Он помогает нам все переживать в Нем – в том числе и материальное.

Благодарение должно сопровождать все, что мы делаем, и даже то, чего мы не делаем. Как говорил кто-то из святых отцов: «Если ешь – благодари Бога! Если не ешь – тоже благодари Бога!»

В учении старца Сергия о молитве самой отличительной чертой его является мысль о том, что молитва жизненно необходима. Порой он говорил, что она является пищей и жизнью для души. Но его излюбленной формулировкой, которую он повторял многократно, была такая: «молитва – дыхание души». Это означало: она настолько же важна для жизни души, насколько физиологическое дыхание важно для поддержания жизни в теле. Как человек биологически умирает, если перестает дышать, так же он умирает духовно, если дышать перестает его душа. Только наше падшее состояние и наши страсти не дают нам замечать этот вполне реальный факт. Невозможно себе представить, чтобы человек довел себя до биологической смерти, добровольно отказавшись дышать, – так же невозможно вообразить, чтобы человек лишил себя духовной жизни, отказавшись или прекратив молиться.

Из этого следует, что молитва, как вопрос жизни и смерти для человека, должна быть непрестанной, постоянной, а сам человек должен молиться, чего бы ему это ни стоило, ибо любая поблажка в этом деле может стоить ему жизни.

Молитва не должна зависеть от нашего желания или вдохновения. Мы дышим не по своей воле -так и молитва не должна соотноситься с нашим желанием, но должна восприниматься нами как насущная потребность, в которой мы не вольны выбирать. Она должна стать для нас абсолютной нормой, которая не подлежит обсуждению и должна соблюдаться безусловно. Отсутствие желания молиться – это тяжкий грех, оно свидетельствует о том, что мы грешны, в чем и должны просить у Бога прощения.

Сложность при этом заключается в том, что, в отличие от телесного дыхания, молитва не самопроизвольна (такой она бывает лишь изредка и становится таковой – постоянной, на уровне привычки, – лишь вследствие длительной практики). В силу нашего падшего состояния и той брани, с которой на нас ополчаются бесы, молиться нам даже трудно (это естественно, но все же не является нормой).

Следует знать, что внешние обстоятельства ни в коем случае не могут служить оправданием этих трудностей: заставить нас верить в противоположное – это бесовская уловка.

Преодоление всяких «трудностей» зависит только от нас самих и может быть осуществлено благодаря:

- покаянию;
- усилию воли;
- терпению;
- строгой дисциплине.

1) Старец Сергий часто учил тому, что, когда нам трудно молиться, мы должны покаяться в этом: попросить у Бога прощения за то, что нам не удастся молиться, что мы не хотим молиться, что нам не хватает молитвенного усердия, что мы не можем молиться регулярно и т.д.

2) Когда трудно начать молиться или продолжать молитву, этому нужно противостоять усилием воли.

Легкость в молитве можно связывать с состоянием эйфории, которая в духовной жизни не только не имеет ценности, но даже может привести к гордости. Именно в усилиях и трудностях проявляется наша привязанность к Богу и становится очевидным, чего мы на самом деле стоим. Нет молитвы без усилия. Это не умаляет значения благодати, которая помогает нам и облегчает для нас молитву, но означает, что в молитве всегда есть некая область, в которой все зависит от нас и на которую и должны быть направлены наши усилия.

3) Практика молитвы требует большого терпения. Здесь нет ничего достигнутого раз и навсегда, ибо каждый день наша молитва вновь подвергается испытанию. Это следует осознавать и никогда не опускать руки под тем предлогом, что молиться трудно или что мы не достигаем результатов.

4) Чтобы достичь непрестанной молитвы, мы с самого начала должны организовать молитвенную жизнь и для этого установить себе ежедневное правило, которого следует придерживаться любой ценой. Это правило должно рассматриваться как нечто абсолютное, что не подлежит обсуждению. Его выполнение не должно зависеть от нашего настроения или произволения; мы не должны ждать того, чтобы у нас, например, появилась расположенность к молитве.

Это правило состоит в том, чтобы, во-первых, молиться, по меньшей мере, два раза в день, утром и вечером, и, во-вторых, каждый раз проводить в молитве определенное количество времени. Поначалу мы не должны быть слишком самонадеянными и устанавливать себе такое правило, которое наши жизненные обстоятельства не позволят нам в дальнейшем выполнять всегда: регулярность и качество важнее количества.

Верное следование установленному правилу позволит нам «вооружиться привычкой». Эта привычка

будет служить нам поддержкой в случае срывов, когда наше рвение ослабевает. Разумеется, молитва не должна быть чем-то рутинным; тем не менее если это происходит – например из-за усталости, – этим не следует пользоваться в качестве предлога, чтобы оставлять молитву; мы должны осознавать, что даже если мы стали неспособны слышать нашу собственную молитву, то ее продолжают слышать и Бог, и дьявол.

Утро и вечер являются для молитвы наиболее благоприятными моментами. Возможность уединиться и успокоиться, а также наличие некоторого свободного промежутка времени способствуют сосредоточенности, внимательности и трезвости.

Но этим нельзя ограничиваться: эти моменты призваны облегчить нам молитву в остальное время дня и помочь ей стать постоянной; их можно сравнить с моментами, когда тело совершает гимнастические упражнения, благодаря которым человек легче дышит на протяжении всего остатка дня.

С другой стороны, следует бдительно следить за тем, чтобы молитва не прекращалась после совершения основного правила: она должна гореть в нас как лампада, как огонек, который, хоть и слабо, но освещает все вокруг и продолжает теплиться.

Молитва должна быть важнейшим предметом наших помыслов и быть первым делом, с которого мы начинаем день.

Это важно не только для того, чтобы начать день в добром расположении духа, но и для того, чтобы противостоять дьявольским внушениям, отсекаать их и избавляться от них – ведь при пробуждении они обрушиваются на нас в большом количестве, в особенности через воспоминания о ночных сновидениях. Это важно и по той причине, что даже когда у нас все «ладится» с молитвой, ее нужно возобновлять каждый день. Вспоминая о годах,

проведенных в кавалерийском полку, которым командовал его отец, старец Сергей любил говорить, что мы похожи на наездника, который каждое утро должен садиться в седло. Ничего невозможно приобрести навсегда. Каждое утро мы полагаем новое начало.

На протяжении дня нужно следить за тем, чтобы не забывать молиться перед любым делом и все время, пока мы его делаем; благодаря этому благодать Божия помогает нам принимать правильные решения и избавляет от беспокойства по этому поводу. Молиться нужно и по завершении всякого дела.

Ничего нельзя совершать без молитвы. Все должно быть с ней связано. Молитва должна быть во всем, что мы делаем, и все, что мы делаем, должно быть в молитве.

В каждое действие и в каждый помысел нашей жизни мы должны класть закваску молитвы.

Всякое дело, которое мы ведем с молитвой, приносит нам пользу, тогда как наша деятельность без молитвы бесплодна, даже если она кажется доброй. Говоря об этом, старец Сергей напоминал слова Христа: Кто не собирает со Мною, тот расточает (Мф. 12:30; Лк. 11:23).

Простая физическая работа не мешает творить Иисусову молитву регулярно и сосредоточенно, в то время как интеллектуальная деятельность, занимая наши мысли, не дает нам молиться внимательно и постоянно. Поэтому когда обстоятельства – в частности профессиональные занятия – препятствуют молитве, следует, по крайней мере, помимо того, чтобы начинать и заканчивать молитвой каждое дело, молиться каждый раз, когда нам выпадают промежутки свободного времени (краткость формулы Иисусовой молитвы позволяет вставлять ее даже в самые небольшие промежутки времени), и, помимо этого, пребывать «в

молитвенном духе». О последнем обстоятельстве старец Сергей говорил особенно настойчиво. Под этим он подразумевал то, чтобы умом и сердцем пребывать перед Богом, постоянно поддерживать с Ним связь, согласовывать все с Его волей и поддерживать в себе то духовное состояние, которое сопровождает молитву.

Это позволяет избежать «разорванности» в молитве, остановок, которые для души могут оказаться пагубными. Ведь тогда душа уподобляется пустому дому (см.: Мф. 12: 43-45), в котором поселяются духи еще более злобные, нежели предыдущие, или неразумным девам, которые не сохранили пламени в своих светильниках и опоздали на небесный пир.

Старец Сергей учил, что молитва помогает нам быть ближе к Богу, к другим и к самим себе. Она позволяет нам все больше соединяться с Богом, лучше понимать людей и общаться с ними не поверхностно. Благодаря молитве мы сами перестаем жить поверхностно и начинаем жизнь более углубленную.

Молитва помогает нам более насыщенно и качественно проживать каждый момент своей жизни. Поэтому она делает нас менее отстраненными от того, что нас окружает, менее равнодушными. И вместе с тем она парадоксальным образом позволяет нам отстраниться от этого мира и прилепиться к миру иному – тому, в который мы войдем после смерти и в котором будем жить в вечности. Благодаря молитве мы можем сродниться с тем миром, который находится за пределами нашего, и делаемся способными стать частью того мира. По словам старца Сергия, она учит нас говорить на языке иного мира, ибо сама и является этим языком.

Старец Сергей, вслед за преподобным Серафимом Саровским, говорил, что цель христианской жизни есть стяжание Духа Святого, а молитва – самый лучший путь к этому.

Чтобы получить ответ на наши молитвы, чтобы наша молитва вела к благоприятным результатам, необходимо соблюдать определенные условия.

Прежде чем начать молиться, мы должны попросить у Бога прощения за все наши ошибки и немощи. Молитва должна сопровождаться состоянием покаяния. Чтобы наша молитва была действенной, мы должны ощущать, что являемся грешниками.

Все наши просьбы в молитве должны произноситься со смирением, если мы хотим, чтобы Бог их услышал. И вообще смирение всегда должно сопровождать молитву.

Молитва требует целомудренного состояния. Коль скоро молитва исключает любой плотский Грех, то, наоборот, и любой плотский грех делает невозможной молитву.

Кроме того, молитва требует того, чтобы мы воздерживались от осуждения других людей и хранили с ними мир. Как учил Христос, прежде чем предстать пред Богом, нужно примириться со своим братом.

Иисусова молитва

Все вышеперечисленные наставления применимы и к Иисусовой молитве. Эту форму молитвы старец Сергей считал наивысшей. Сам он стяжал благодать творить ее в сердце без остановки. Вместе с тем он не отвергал и других форм молитвы, каждое утро и каждый вечер вычитывая молитвенное правило, предписанное Церковью, и совершал в монастырском приходе и в скиту, где он был игуменом, богослужения без сокращений и в точном соответствии с Типиконом. Следовательно, он не отдавал Иисусовой молитве предпочтения в ущерб остальным формам молитвы.

Так как эта молитва представляет собой повторение краткой формулы, то она лучше, чем всякая другая, позволяет выполнить завет, данный

апостолами, святыми отцами, а вслед за ними – и самим старцем Сергием: завет «непрестанно молиться», и, в частности, молиться тогда, когда времени мало или когда мы заняты, или находимся рядом с другими людьми, так как ее можно внутренне произнести за очень короткий промежуток времени и даже сопровождать ею большую часть своих занятий.

Иисусова молитва а priori общедоступна. Но, с одной стороны, это делание должно быть результатом свободного выбора, проистекать из личной потребности или желания. С другой стороны, ее особый характер предполагает предварительное благословение, а также постоянное руководство духовника, так как при неверном осуществлении она может представлять немалую опасность: духовную, психическую и телесную. Наконец, ее совершение требует определенных духовных условий.

Практика Иисусовой молитвы является неотъемлемой частью предания Православной Церкви и ее духовного учения. Поэтому старец Сергий настойчиво говорил о необходимости творить Иисусову молитву только в лоне Церкви, параллельно с участием в богослужении и с приобщением к Таинствам, а также в тесной связи с прочими сторонами и проявлениями духовной жизни.

Эта молитва должна сопровождаться деятельной борьбой со страстями и не менее деятельным возвращением добродетелей; оба эти делания могут привести к результату только в лоне Церкви, силой благодати, подаваемой нам через Таинства.

По словам старца, вне Церкви и без борьбы со страстями эта молитва не имеет ни смысла, ни ценности.

Это делание несовместимо, в частности, с гордостью, нечистотой и всяким проявлением злобы, направленной на ближнего. Напротив, творить Иисусову

молитву можно лишь в состоянии покаяния, смирения, целомудрия и любви к Богу и к ближнему.

Вот почему этот вид молитвы нельзя отождествлять с какой-то техникой. «Христос, – говорил старец, – пришел не для того, чтобы принести нам технику, но чтобы научить нас покаянию». Еще одна причина заключается в том, что благодатная помощь никогда не бывает результатом некоторых приемов, которые употребляет человек, но всегда остается бескорыстным даром Божиим. Молитва – это всегда некое пространство личного общения с Богом, и в этом общении сосуществуют просьба и созерцание.

Эти духовные состояния предшествуют молитве, сопровождают ее и сообщают ей ее ценность. Молитва, произносимая с нечистыми помыслами или в гордости, не только бесполезна, но даже наносит ущерб тому, кто молится. Старец Сергей говорил об этом очень емкими фразами: «Блудный грех делает молитву невозможной», «Иисусова молитва без смирения – это катастрофа». Еще он говорил, что если мы принимаемся молиться, не примирившись перед этим с Богом через покаяние, то из-за этого «наша молитва будет гнилой», напоминая историю о конокраде, который часто молился святителю Николаю и, упав однажды в яму, где находились гниющие трупы лошадей, увидел, как ему является святой со словами: «Твоя молитва подобна этому гною».

Иисусова молитва может произноситься вслух или внутренне. Предпочтительнее, чтобы эта молитва была безмолвной, так как в этом случае она является более глубокой. Выражение «умная молитва» означает «внутренняя», а не «рассудочная». Иисусова молитва не должна твориться одним только разумом; в этом делании ум должен соединиться с сердцем и действовать в единстве с ним. Это означает, что рассудок должен соединиться с чувствами и с волей.

Старец Сергей, как и все святые отцы, поучения которых содержатся в «Добротолубии», говорил о необходимости «укоренения» ума в сердце и утверждал, что оно должно стать предметом постоянного внимания. Однако это не означает, что такого состояния достичь легко, – напротив, это требует времени и терпения.

Соединение ума с сердцем – то средство, которое позволяет человеку участвовать в молитве наиболее целостно и глубоко, а также помогает нам защититься от искушений и бесовского воздействия, ибо «окопавшись в глубине своего сердца, мы оказываемся в безопасности». Благодаря этому соединению мы можем все понимать «сердцем».

Ум входит в сердце и соединяется с ним благодаря смирению и покаянию.

Соединение ума с сердцем во время молитвы дается нам не сразу, но требует времени и большого терпения.

Иметь молитву в себе непрестанно, так, чтобы она стала одновременно самопроизвольной и постоянной, человек может тоже только в результате долгого и регулярного подвига. В силу дисциплины и регулярности молитва в итоге проникнет в нас, как вода, капля за каплей, наконец начинает проникать в камень, на который она капает.

В учении старца Сергия об Иисусовой молитве ключевыми являются два слова из традиции «Добротолубия»: трезвение и внимание. Молящийся должен стремиться постоянно внимать содержанию молитвы (однако это усилие никогда не должно оборачиваться судорожным состоянием и напряжением). И поэтому ему следует бдительно следить за тем, чтобы отсекал искушения, которые непрестанно предстают перед ним в форме помыслов (т.е. мыслей или образов). Следует не только избегать

дурных помыслов, но и простых мыслей, которые могут рассеять наше внимание.

Эти различные помыслы могут поражать нас своим количеством и своей силой (старец сравнивает их с роем мух, снующих вокруг, или со сворой собак, лающих возле нас), а также своей природой. Тем не менее в их возникновении нет ничего ненормального. Не молитва порождает помыслы: внутри нас, в глубине, они существуют незаметно для нас, а молитва лишь выявляет их.

Старец Сергей объяснял, что молитва для нашей души — как палка, которая мутит воду в болоте и заставляет подниматься на поверхность все нечистоты, которые лежат на дне, в глубине. Думать, будто бы наша душа чиста, — такое же заблуждение, как и мысль о том, что вода в болоте прозрачна.

Среди помыслов, которые смущают нашу душу во время молитвы, одни приходят к нам из нас самих, а другие имеют бесовскую природу, и их целью является помешать нам молиться.

Когда мы молимся, искушения в виде дурных помыслов приходят в куда большем количестве, чем когда мы не молимся. Это не означает того, что, когда мы не молимся, мы будто бы пребываем в лучшем состоянии. Это бесовская хитрость: заставить нас поверить в это и в итоге внушить нам: «Молиться я все равно буду плохо, а если не буду молиться, то не придут эти дурные помыслы, и все будет хорошо».

Нет ничего странного в том, что нас мучают помыслы или что нам трудно сосредоточиться; отцы-пустынники тоже постоянно подвергались таким искушениям.

Прежде всего не следует отчаиваться и бросать молитву — нужно проявлять терпение, постоянство и стойко держаться. Проявляя упорство, мы выходим победителями при любых искушениях, нам удается

постепенно очиститься, и вслед за этим молитва творится легче.

Противостояние помыслам состоит в том, чтобы отсекал их всякий раз, когда они возникают, и отсекал сразу же. Нужно постараться игнорировать их, так как чем больше на них обращаешь внимания, тем сильнее они делаются, и затем становится уже сложно от них избавиться. Напротив, чем меньше на них обращать внимания, тем слабее они становятся. Старец объяснял, что когда бесы начинают искушать нас на молитве, то они пытаются привлечь наше внимание и войти с нами в собеседование, чтобы проникнуть в наше сердце. Нельзя ни в коем случае позволять им проникать в нас, и поэтому следует отвергать любое собеседование с ними, противостоять им категорическим отказом и продолжать молиться, не принимая во внимание то, что они нам предлагают.

Некоторые мысли являются простыми помыслами, то есть обыкновенными представлениями, которые безвинны. Они вредоносны, так как рассеивают внимание и мешают сосредоточиться, и поэтому возмущают молитву и мешают ей быть чистой, то есть такой, единственным предметом которой является Бог. Их следует просто отвергать. Другие же мысли являются страстными помыслами (то есть связанными со страстями), и вызывают искушения, которые, если им уступить, могут привести к греху и развить или усилить соответствующие страсти. Следует не только их отвергать, чтобы помешать им проникнуть в глубь нас, но и каяться в них. Покаяние состоит в том, чтобы признать, что часть ответственности за то, что в нас возникают дурные помыслы, лежит на нас, так как мы являемся для них благодатной почвой или же провоцируем их возникновение своими грехами и страстями. Кроме того, если не уступить помыслам,

возникающим перед нами, то на нас не лежит при этом ни вины, ни ответственности: они остаются искушениями, но не грехами. Это тем более верно, если помыслы приходят от лукавого и не имеют никакой связи с нашим внутренним состоянием в прошлом или настоящем (ибо нечистый являет нам часто такие искушения, к которым мы не имеем никакого отношения). А покаяние помогает признать пред Богом собственное бессилие и дать уму сойти в сердце, чтобы там он был в безопасности.

Если мы привыкнем так поступать, то искушения, которые существуют всегда (ибо дьявол и бесы не перестают действовать против нас и даже, бывает, начинают действовать еще сильнее), прежде находившие в нас для себя пищу, отныне ее не обретут: благодаря нерассеянной молитве и покаянию наше сердце очистится и мы лишим их этой пищи, так что они отступят вовне и их власть над нами уменьшится, как сказано в Псалтири: Я вижу врагов моих вокруг себя, но они бессильны. Старец сравнивал бесов, которые внушают нам помыслы во время молитвы, со стаей собак, лающих вокруг нас. «Мы не можем не слышать их, – говорил он, – но можем не слушать».

В какие-то моменты молиться бывает легко, в иные – трудно. Мы находимся в падшем состоянии, и поэтому нам приходится пересиливать себя, к особенности чтобы достичь регулярности или продолжительности в молитве. Усилие в молитве не должно быть чисто рассудочным; это может быть даже опасно. Оно вместе с тем и не должно быть только волевым. Все способности и силы должны действовать сообща, а усилие должно быть и душевного, и духовного свойства. Мы не должны сожалеть о том, что приходится совершать усилие: когда молитва идет легко от того, что мы пребываем в состоянии эйфории, то в этом нет никакой нашей заслуги; более того, такая

легкость может нам внушить гордые помыслы. Напротив, когда молитва дается с трудом, то качество нашей привязанности к Богу измеряется именно в соответствии с нашим усилием.

Как все современные духовные наставники, старец Сергей питал недоверие к молитвенным «техникам» — с одной стороны потому, что может возникнуть неверное представление о том, что получаемая в молитве благодать есть механический результат самой техники, а с другой стороны — по той причине, что применение техники может пойти в ущерб тому, что имеет первостепенную важность, то есть духовному настрою. Старец старался отговорить от их применения всех новичков, считая, что не техника помогает стяжать молитву, что она может быть полезной лишь для того, чтобы молитву сохранить. В любом случае она никогда не является необходимой. Истинный источник чистой и постоянной молитвы — чувство потребности в Боге, ощущение того, что без Него мы ничто (этому способствуют покаяние и смирение), и любовь к Богу, которая заставляет нас непрестанно желать соединения с Ним.

Старец Сергей рекомендовал творить внутренне Иисусову молитву во время богослужений, считая, что она позволяет каждому лучше сосредоточиться на службе и лучше ее воспринять.

А вот практиковать Иисусову молитву сообща, совместно, он считал неуместным. С одной стороны, у каждого — свой собственный ритм, к которому нужно относиться с уважением. С другой стороны, молитва — это что-то очень личное, и в ней должна присутствовать определенная личная свобода. «Каждый, — говорил он, — должен располагать свободой молиться Богу так, как ему хочется». В частности, каждый должен иметь возможность остановиться, когда достигнет того состояния, к которому стремится молитва (но которое

при этом не является его самоцелью). В связи с этим старец Сергей вспоминал слова преподобного Серафима Саровского: «К чему призывать к себе Бога, если Он уже во мне?»

Старец считал, что утром и вечером для Иисусовой молитвы нужно выделить особое время, в которое она бы совершалась особенно сосредоточенно и напряженно. Эти моменты можно определить каким-то фиксированным промежутком времени (не обращая внимания на количество произносимых молитв) либо числом молитв (не обращая внимания на время). Важно одно: иметь постоянное правило и придерживаться его. Вместе с тем эти периоды должны быть лишь «сильной долей в такте» и способствовать общей практике молитвы. Важно не прекращать молитву после самых насыщенных моментов, но продолжать ее более просто и свободно, чтобы не оставить дом пустым (см.: Мф. 23:38; Лк. 13:35) и не дать устремиться в него бесам.

Иисусова молитва всегда должна быть сокровенной. Тот, кто творит ее в присутствии других людей, не должен никоим образом давать это понять. Более того, шумные и видимые проявления – такие, например, которые мы можем наблюдать в кругу «харизматиков», должны быть исключены и никогда не являются характерными для здоровой молитвенной практики.

Коль скоро просьба, которую мы формулируем в молитве, должна быть исполнена веры и надежды, то нам не следует искать какого-то «высшего» состояния. Мы не должны искать состояния «удовлетворенности» и радости, сопровождающих молитву. Если, когда мы молимся, их нет, то мы не должны испытывать тоску по этому поводу; не следует вообще беспокоиться об этом, но нужно упорствовать в молитве, даже если этой радости и не будет вовсе никогда.

Техники, приводящие в состояние восхищения и экстаза, которым учат некоторые западные и восточные духовные деятели, неприемлемы; медитация – в таком виде, в каком она пропагандируется, – явление нездоровое. Получение быстрых результатов в молитве — чаще всего есть свидетельство прелести.

Как правило, Бог медлит дать нам эту радость, чтобы предостеречь нас от гордости, чтобы мы не думали, будто бы полученная нами благодать является плодом нашей молитвы, нашей воли и наших усилий.

Нужно просто молиться и ждать с терпением и смирением, даже если душа наша черства и молиться нам в тягость.

Мы всегда должны говорить самим себе, что мы недостойны получить ответ на нашу молитву, что мы ничем не заслужили от Бога вознаграждение или удовольствие.

Мы должны искать только Бога, а не своего собственного удовольствия.

Если мы все же раз-другой испытываем состояние удовлетворенности (как свидетельство осязаемого присутствия благодати), мы должны рассматривать это как дар Божий, а не как результат наших собственных усилий. Говоря об этом, старец повторял слова, которые произносил и в других обстоятельствах: «Нужно богатеть в Бога, а не в самих себя».

Практика Иисусовой молитвы требует руководства со стороны опытного духовного отца – не оттого, что он поможет «овладеть ее техникой», но оттого, что он способен к духовному различению. Много уже было сказано об опасностях, которые может представлять это делание для психического и физиологического здоровья того, кто его практикует по собственному почину и вслепую. Особенно настойчиво старец Сергий говорил о духовных опасностях: практика Иисусовой

молитвы порождает, если оценивать ее с точки зрения результатов, немалую опасность впасть в прелесть.

Этот риск в большей степени подстерегает не начинающих, а тех, кто уже начал преуспевать в молитве. «Для того, кто много молится, велик риск впасть в прелесть», – говорил старец Сергей. Духовный отец, к которому следует обращаться, должен быть не таким же практикующим (и уж тем более не приверженцем молитвенной «техники»), но тем, кто прошел все рифы и удостоился принять от Бога дар различения и может благодаря этому наверняка определить, какие молитвенные состояния являются эмоциональными, а какие – духовными, какие – от Бога, а какие – от лукавого.

Тот, кто творит молитву, сможет избежать большинства опасностей, если имеет глубокое смирение и не ищет из ряда вон выходящих «результатов» и «плодов». Малейшая гордость в сочетании с молитвой порождает отклонения и даже психические расстройства. С связи с этим старец Сергей повторял, что практика молитвы несовместима со страстями, и что тот, кто творит молитву, пребывая, например, в состоянии гордости или нечистоты, бежит по направлению к собственной катастрофе и даже может быстро дойти до сумасшествия. Иисусова молитва для того, кто ее творит, становится светом, позволяющим видеть ясно свою душу изнутри. Проникая в сердце, она позволяет жить более глубоко, жить не для самого себя, но для Бога. К тому же она помогает проникнуть разумом в глубь людей и вещей и жить, воспринимая их не поверхностно, но сердечно понимая и любя их.

Равновесие сил и способностей в человеке

Вышеизложенные взгляды о соединении ума с сердцем не только свидетельствуют о следовании

учению и практике исихазма, но и являются частью целостного понимания отцом Сергием природы человека, призванного участвовать в духовной жизни на всех уровнях, всеми своими силами и способностями, действующими сообща и поддерживающими друг друга. Если способности и силы действуют разобщенно, то это приводит к нарушению равновесия и к дисгармонии, пагубной для духовной жизни личности и для самого ее существования.

Как познание Бога должно осуществляться всей совокупностью наших способностей (и следовательно, всем нашим существом), так и в любви К Нему должны участвовать все наши силы, в том числе – и это парадоксально – наш разум. Этому учит само Евангелие: Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею (Мк. 12:30; см.: Мф. 22:37). Следовательно, наш разум должен нам служить для того, чтобы сначала возлюбить Бога, а уж затем познать Его.

Старец говорил, что в человеке можно различить три основных способности: разум, волю и чувства. Они должны не только действовать сообща, но сохранять равновесие между собой. Когда одна из них действует чрезмерно сильно или, наоборот, недостаточно, нужно заставить две остальных вмешаться, чтобы восстановилось равновесие. Эти три способности должны помогать друг другу, друг друга контролировать и взаимно поддерживать: воля должна врачевать недуги рассудка и чувств; рассудок – недостатки воли и чувств; чувства – изъяны рассудка и воли.

В человеке также различают, как об этом говорит апостол Павел в Первом послании к Фессалоникийцам (см.: 1 Фес. 5:23), три элемента, составляющих его существо: дух, душу и тело. Старец подчеркивал

единый и вместе с тем отдельный характер этих трех составляющих, и, следовательно, тот факт, что они неотделимы друг от друга и всегда действуют вместе, даже если кажется, что действует всего лишь одна из них. Когда одна из них грешит, две остальные оказываются вовлечены во грех, и таким образом согрешает весь человек. Напротив, когда одна из них действует во имя спасения человека, две остальные к ней присоединяются, и «выгоду» получает весь человек.

Опасность рационализма

Старец Сергей, как и многие русские подвижники, весьма критично относился к характерной для западного мира тенденции переоценивать мыслительные способности. Начиная с эпохи Средневековья, влияние этой тенденции претерпело даже само западное христианство, так как в это время богословие в рационалистическом русле схоластики свелось к чисто умственным операциям, а вера многих христиан была подменена представлениями о Боге. Старец любил ссылаться на небольшой роман Достоевского «Записки из подполья», в котором писатель изложил критические идеи относительно «эвклидовского ума», то есть рационализма и интеллектуализма, царивших на Западе.

В наставлениях старца встречается множество предупреждений против интеллектуального способа переживания веры, против слишком рассудочного толкования Писания или «занятий» богословием.

Он утверждал, что разум составляет лишь одну четверть наших способностей, и поэтому не должен занимать в духовной жизни места больше, чем ему положено.

Он подчеркивал, что рассудок – не только в молитве, но и во всех остальных видах деятельности,

(вносящихся к духовной жизни, – должен действовать в согласии с сердцем.

Разум тем яснее и лучше познает, чем менее автономно он действует, чем в большем единстве с сердцем он находится и чем больше ему следует.

Рассудок должен действовать самостоятельно лишь для того, чтобы рассуждать о собственной ограниченности и об опасности чистого рационализма. В этом можно видеть излюбленную для христианско-экзистенциалистских кругов, с которыми старец Сергей был близок в юности, тему философии Паскаля.

Труд по рассудочному обоснованию чего-либо может быть оправдан только как труд педагогический, то есть направленный на других, но не на себя. Логическая аргументация применяется порой для того, чтобы рассказать об истинах веры, но она никогда не является наилучшей.

Старец подчеркивал, что в ином мире интеллектуальные манипуляции станут абсолютно ненужными.

Он отмечал, что простые люди преуспевали в духовной жизни зачастую больше, чем ученые (эту мысль разделял и его друг, архимандрит Софроний).

Старец Сергей настойчиво говорил о том, что Бога нужно не только познавать или понимать, но прежде всего любить.

Существенным ему виделось то, чтобы в попытке проанализировать все рассудком, не посягать на тайну Бога. Эту тайну следует не постигать (при условии, что это вообще возможно), а принимать с уважением и благоговением, в трепете и любви. Вслед за героем «Записок из подполья» Достоевского старец часто говорил об этом в формулировках, которые для западного образа мысли звучали шокирующе: «Я доволен, если я не знаю». Ему казалось жизненно важным хранить – и, если необходимо, обретать вновь –

ощущение тайны. Он считал, что именно тогда, когда мы смиряемся с собственным неведением, мы раскрываемся навстречу истинному знанию духовной реальности, что именно когда мы отказываемся от претензий на то, чтобы познать Бога, нам открываются Его тайны. Так старец

Сергий очень просто выразил пережитую в собственном опыте самую суть апофатической традиции православного богословия.

Чтение Священного Писания

В Евангелии содержится вся программа нашей духовной жизни, и поэтому его следует считать «основой всего».

Следовательно, чтение Священного Писания должно стать, как и молитва, ежедневным регулярным правилом и подчиниться дисциплине.

Лучше читать Писание «подряд», чем делать это по дневным зачалам, в которых отрывки не связаны с общим контекстом.

Чтобы это чтение приносило духовную пользу, оно не должно принимать форму упражнения по анализу текста или интеллектуальной экзегезе. «Писание, – подчеркивал старец, – дано нам не как предмет для рассуждения и даже не как интеллектуальная пища, а как то, чем мы должны жить». То, чему учит Писание, должно восприниматься как абсолютная истина бытия, как факт, а не как идея. Оно должно становиться предметом не интеллектуального, а духовного чтения. И поэтому его нужно читать не только с разумением, но и «с сердцем», а точнее – с сердечным разумением.

Во время чтения Писания бесы представляют нам искушения, подобные тем, что мы испытываем на молитве. Бесы, которые «порой бывают богословами», начинают подводить нас к таким толкованиям, которые вызывают в нас сомнения. С изощренной ловкостью они

показывают нам разночтения между Евангелиями и возбуждают в нас мысль о том, что они противоречат друг другу или непоследовательны.

В такой ситуации следует вести себя так же, как и на молитве: оставаться безразличным к искушениям, не обращать внимания на внушения.

Чтение Священного Писания в должном расположении духа прививает, как и молитва, умение и навык «различать помыслы».

Божественные заповеди

В Писании изложены Божественные заповеди, соблюдение которых должно стать основой духовной жизни.

Заповеди обращены к жизни, а не к теории. Следовательно, не нужно искать их теоретического обоснования или пытаться определить, насколько они оправданны, но с верой во Христа, Который нам их дал, воспринимать их как абсолютные и не подлежащие обсуждению требования.

Борьба со страстями

Заповеди являются основой духовной жизни, которая состоит в борьбе с собственными страстями и в жизни по добродетелям. Это длительный труд, который предстоит человеку на протяжении всей его жизни.

Страсти являются частью нашего падшего состояния и составляют в нас «ветхого человека». Если мы пребываем во грехе или привыкаем ко греху, то мы становимся неспособны замечать в себе страсти, так как они кажутся нам нормальными, будучи в наших глазах просто чертами характера, присущими всем людям. Тем не менее страсти являются ненормальным состоянием, дурными привычками, наслоившимися поверх нашей истинной природы, которым не должно

быть места в «новом человеке», каким мы призваны стать во Христе.

Тот, кто считает себя уже лишенным страстей, и понуждается (только святым удастся после длительных подвигов очиститься от страстей). Тот, кто думает, будто бы он бесстрастен, просто не осознает своего состояния, так как не ведет к духовной Жизни, которая позволила бы ему заметить свои страсти. Как только мы начинаем пытаться жить в Боге, страсти обнаруживаются в нас в виде искушений. Бесы, искушающие нас, как правило, опираются именно на страсти.

Борьба со страстями имеет первостепенное значение в духовной жизни и должна происходить постоянно. Даже когда христианин очищается от страстей (что бывает нечасто), ему приходится бороться с помыслами, которые бесы не перестают внушать людям, чтобы развить в них страсти, если они есть, или чтобы возродить их, если они истреблены. Следовательно, человеку должно быть известно, что ему придется бороться до последнего вздоха. «Целью борьбы, - говорил старец Сергей, - не является освобождение от необходимости бороться. Борьба будет продолжаться всегда. Просто чем дольше мы боремся, тем больше у нас шансов выйти победителями».

Борьба не должна прекращаться. Ни одного дня не должно проходить без того, чтобы не пытаться одержать победу над страстными помыслами, поступками или состояниями.

Если первой заповедью Христа является любовь к Богу, а второй - любовь к ближнему, как к самому себе, то основными страстями являются те, которые противоположны этим заповедям и приводят к таким состояниям, устремлениям и намерениям, которые отвращают нас от любви к Богу и к ближнему, а также

от истинной любви к самим себе. Эта мысль проходит красной нитью через все учение старца Сергия о страстях и является в нем связующим началом.

Гордость

По словам старца Сергия, главной, самой тяжелой страстью, наиболее устойчивой, которая требует самой длительной борьбы, которой более всего следует остерегаться, является гордость, противоположная не только той любви, которую мы должны испытывать к Богу, к ближнему и к самим себе (в положительном смысле), но и второй после любви христианской добродетели – смирению.

Старец напоминал о том, что именно по причине гордости пали ангелы и из-за нее первый человек стал причиной грехопадения всего человечества. Он часто говорил, что гордость – это наш первый враг, и что все наши несчастья происходят из-за нее.

Гордость является источником всех духовных болезней – иначе говоря, всех остальных страстей, а также почти всех душевных расстройств.

Эгоизм

С гордостью напрямую связан эгоизм (у святых отцов он называется самолюбием), который является дурной любовью к самому себе; он отдаляет человека и от любви к Богу, и от любви к ближнему, и от истинной любви к самому себе.

Эгоизм заставляет нас все «тянуть на себя»: в частности, приписывать себе самим заслугу наших добрых поступков и добродетелей. Вот почему он является опасностью, таящейся в самом средоточии духовной жизни. Старец Сергий учил так противостоять этой склонности: когда мы получаем какой-то плод в нашей духовной жизни, стараться обогащаться этим в Бога, а не в самих себя и стараться избегать

самодовольства, которое является явной приметой эгоизма.

Еще одна форма проявления эгоизма – это отсутствие (или недостаток) любви по отношению к Богу и к ближнему, что в отношении ближнего проявляется в таких наиболее тяжелых формах, как нечуткость и равнодушие. Это отсутствие, или недостаточность, является не действием, а отсутствием действия, и, несмотря на это, должно считаться грехом, который происходит от страсти (от эгоизма), в чем мы и должны каяться. «Нужно, – учил старец, – каяться в том, что мы недостаточно любим людей и в недостаточной мере чутки к несчастьям других».

Помимо покаяния, лучшим средством борьбы с этой страстью является молитва, которая способствует развитию в нас любви к Богу и к ближнему и, вместе с тем, если говорить об отношениях с людьми, помогает нам понять положение ближнего, его трудности, его нужды, делает нас чувствительными ко всему этому и вразумляет нас, как лучше ему помочь.

Осуждение ближнего

Осуждение ближнего напрямую связано с гордостью и с эгоизмом: тот, кто осуждает другого, как правило, считает себя выше его и уж во всяком случае относится к себе как мерилу всего и принимает собственные идеи и поступки за норму.

Осуждение ближнего — это страсть, которой мы должны бежать, как чумы. Это одна из самых опасных страстей – и по своим корням, и по своим результатам. Происходит она от первородного греха и от нашей падшей природы. Она противостоит любви к ближнему, а внушает нам его осуждение сам дьявол. Кроме того, ее корни – в забвении Бога и молитвы.

Это настолько тяжелая страсть, что она мешает нам получать от Бога то, что мы у Него просим в наших

молитвах. Результаты этой страсти всегда оборачиваются против нас самих, то есть пагубно сказываются на нас в социальном и личностном плане, а также в духовной жизни.

Сталкиваясь с неизбежным искушением осудить кого-то, мы должны напомнить себе, что весь закон сводится к заповеди любить Бога и ближнего.

Блудные страсти

Страсти, связанные с половой сферой, по мнению старца Сергия, особенно страшны, так как влекут за собой грехи, которые являются «преступлением В отношении другой личности» и в то же время -«преступлением против самих себя, против собственной личности», Ведь тот, кто подвержен блудной страсти, рассматривает самого себя и другого человека как инструмент получения удовольствия, низводит себя и другого человека до положения вещи, решительно игнорирует и презирает то, что другой человек, да и он сам тоже, являются духовными существами, и поэтому грешит одновременно и против Бога, образ Которого он носит, и против ближнего. Таким образом, блудная страсть тоже напрямую связана с гордостью, эгоизмом и недостатком любви к Богу, к ближнему и к самому себе.

Гнев

Страсть гнева, к которой можно присоединить все формы проявления агрессии по отношению к людям, тоже свидетельствует об отсутствии любви к ближнему. Кротость же (добродетель, противоположная гневу) выражает собой любовь; некоторые святые отцы даже отождествляют кротость с любовью к ближнему.

Старец Сергий советовал изо всех сил стараться не впадать в состояние гнева, так как оно пагубно

сказывается на духовной жизни, потому что изгоняет благодать.

Во время принятия исповеди первой заботой старца было выяснить, примирился ли кающийся со всеми людьми, нет ли у него разногласий с кем-то, нет ли в нем ненависти, обиды на кого-то. Эти состояния виделись ему препятствием ко причащению. В этом он ссылался на слова Христа: Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним (Мф. 5:23-25).

Упадок духа, подавленность, нерадение и духовное нечувствие

Упадок духа, подавленность, нерадение и духовное нечувствие (обычно объединяемые у святых отцов в понятие «уныние») – это страсти, о которых старец Сергей говорил очень много, так как они подстерегают всякого человека в его повседневной жизни, в особенности же тех, кто решил вести глубокую духовную жизнь и отказаться от «развлечений» (в паскалевском понимании) мира сего.

1) В повседневной жизни мы сталкиваемся со множеством поводов к упадку духа, печали, подавленности и отвращению.

Существует обычная форма упадка душевных сил, связанная с повторяющимися неприятностями. Чтобы выйти из этого или избежать уныния, мы должны переживать неприятности с терпением, зная, что «мы в этом мире для того, чтобы терпеть неприятности», иными словами, что это неизбежно для нашего земного бытия. Следует осознавать, что в этой жизни невозможно избежать невзгод, сложностей и

испытаний, и это – часть того креста, который мы призваны нести. Крест этот нужно нести не пассивно, уступая унынию и подавленности. Для нас он должен быть не источником разрушения, самоуничтожения и смерти, но, напротив, источником жизни; и в несении креста необходимо наше действенное, волевое участие.

Вполне естественно, что, будучи христианами, мы чувствуем себя не очень «уютно» в земном мире. Конечно, этот «дискомфорт» может быть связан с неправильным духовным устройением из-за плененности страстями; но может иметь и совершенно естественную причину: наше падшее состояние, точнее – нашу изгнанность из Царствия Небесного, из Отчего Дома, который мы все же ощущаем нашим истинным отечеством и по которому мы тоскуем, как отроки в 136-м псалме: При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе (Пс. 136:1). Эта печаль, то есть ощущение тягостности жизни, которые мы испытываем в нашем нынешнем положении (а она как раз и свидетельствует о том, что такое положение для нас ненормально), является частью креста, который мы должны нести в этом мире, но при этом может еще стать для нас духовным стимулом к тому, чтобы готовиться к встрече с нашей истинной родиной.

Если мы начали вести глубокую духовную жизнь, то наша профессиональная деятельность становится нам в тягость, не доставляет никакого удовольствия – и это совершенно естественно. Было бы даже нехорошо испытывать удовольствие от работы, так как в этом случае она могла бы стать для нас идолом, которому мы посвятили бы себя полностью, в ущерб тому, что имеет большее значение. Необходимо знать о том, что в падшем мире нашим уделом является не удовольствие, а страдание. Работу следует переживать как испытание, как аскетический подвиг. Именно так переживают ее монахи в монастыре, вынужденные

выполнять те послушания, которые им неинтересны. На это следует смотреть как на упражнение, которое дано нам для того, чтобы воспитать в себе терпение и стать более смиренными: мы должны говорить сами себе, что мы недостойны заниматься более интересной деятельностью.

Поэтому не грех работать без удовольствия — важно только, чтобы такое состояние не разрушало бы нас внутренне и не шло в ущерб нашей духовной жизни. Нужно переносить труд как тяжелый подвиг и молитвенно пребывать в Боге. Однако это нужно делать осознанно и так, чтобы другие ни в коем случае не страдали от нашего отсутствия интереса к работе; это должно побуждать нас к тому, чтобы проявлять внимание к людям, быть более чуткими к их потребностям, более любовно к ним относиться.

2) С другой стороны, существует и такой вид уныния, который непосредственно связан с духовной жизнью.

Первая его форма вызывается грехами, совершенными прежде. Чтобы избавиться от него, естественно, следует проявлять терпение, но в то же время нужно стараться не смотреть на собственные грехи, не фиксироваться на них (подобно псам, возвращающимся «на свою блевотину» (см.: Притч. 26:11; 2 Петр. 2:22)). Старец Сергей советовал никогда не начинать день с чувством уныния из-за грехов, совершенных накануне или в предыдущие дни, но каждый день начинать «с чистого листа».

Вторая форма уныния — та, причин которой мы не можем понять. Она связана с нашим общим греховным состоянием, которого не осознаем. Средство от этого — в том, чтобы каяться в этом состоянии неведомого нам греха. Именно с этой целью церковное Предание содержит различные молитвы, в которых мы можем попросить у Бога прощения за «грехи неведомые»; эта

фраза для многих звучит непонятно, но тем не менее она имеет глубокий смысл и играет важную роль для очищения души. Поэтому нужно просить Бога: «Прости мне грехи, которых я не знаю» и терпеливо, упорно каяться, пока наше состояние не переменится.

Старец говорил о том, что некоторая усталость, лень, отсутствие энтузиазма, то есть некоторое отвращение появляются как раз тогда, когда мы собираемся молиться. В этом случае действуют бесы, которые пытаются помешать нам молиться. Это -классическое в духовной практике состояние, с которым мы должны бороться, и самое лучшее орудие против него — это покаяние.

Как правило, когда мы чувствуем, что начинаем впадать в какое-то окаменение и уныние, нужно тут же просить за это у Бога прощения, как за грех, и каяться в этом, пока мы не придем в нормальное состояние.

Нерадение, нерешительность или окаменение, проявляющиеся в том, как мы выполняем наши дела, относящиеся к материальной или к духовной сфере, нужно переживать как ситуацию, в которой нам следует отречься от собственной воли. В связи с этим старец любил вспоминать правило, которого придерживались валаамские старцы; в нем это отсечение собственной воли было доведено до абсолютного предела: «Я делаю что-либо не потому, что хочу этого, а потому, что не хочу». Этот принцип нелегко усвоить и применять в жизни, но насколько же он плодотворен для внутреннего возрастания!

Отчаяние

Иногда старец Сергей говорил и о тяжелой страсти отчаяния, которая у христианина может проистекать от острого осознания совершенного им греха или от собственного падшего состояния в целом.

Старец указывал на множество средств выйти из этого состояния, которое не только болезненно, но и чрезвычайно опасно.

1) Мы никогда не должны думать, будто бы наше падшее состояние неизлечимо, но, напротив, должны быть уверены, что любой грех может быть прощен – достаточно попросить об этом у Бога.

2) Мы должны стараться не попадать в зависимость от наших грехов или от того, в чем мы были грешны прежде.

Для этого мы должны:

а) избегать подробного воспоминания о своих грехах и их «пережевывания»;

б) начинать каждый день, как если бы он был новым, «начинать все с нуля», не оборачиваться на прошлое, а смотреть в настоящее и будущее.

3) Мы должны растождествить себя и свой грех. Дьявол стремится, чтобы нам казалось, будто бы мы и наши грехи – это единое целое, внушая нам: «ты и есть вот это», чтобы подтолкнуть нас к отчаянию; мы должны понимать, что грех и страсти глубоко чужды нашей природе и нашей личности, что они – как нарывы, появившиеся случайно, паразитирующие на нашей коже, но не являющиеся ее частью.

Если говорить проще, то, когда мы чувствуем в себе склонность ко злу, нельзя терять время на то, чтобы задаваться вопросом о причинах этого. Прежде всего нельзя думать, что склонность ко греху является частью нас – проявлением каких-то скрытых черт нашей личности. Очень опасно отождествить себя со злом, посчитать его чем-то, что присуще нам самим. Следует знать, что дурные устремления, проявляющиеся в нас, – это искушения, приходящие от бесов.

Бесы стремятся заставить нас поверить, что их самих не существует, и что все зло, которое появляется в нас, происходит от нас и является частью нашей

личности. Но вина на самом деле – в них, а в не в нас. Зло чуждо нашей природе, хотя порой оно «приражается» ей, пытаюсь привиться к нашим собственным склонностям. Явным знаком того, что проявляющееся в нас зло приходит от бесов, является то, что зачастую они преподносят нам искушения, которые не соответствуют нашим склонностям, нашим вкусам и желаниям, которые нас не затрагивают и не имеют для нас никакой привлекательности.

Разумеется, все это не отменяет необходимости приносить покаяние в своих грехах и в своем грешном состоянии; покаяние, наряду с перечисленными средствами и с молитвой, – один из первейших путей выйти из состояния отчаяния и избегать его впредь.

Роль бесовского воздействия в развитии и укоренении страстей

Старец Сергей обладал даром различения в том, что касалось воздействия бесов на тело и психику и духовную жизнь человека, к нему часто обращались за советом в таких случаях. Сталкиваясь со скептическим отношением нашей материалистической эпохи к этой сфере, захватившим даже некоторые христианские круги, он напоминал, что в Священном Писании и в житиях святых ей придается большое значение; старец находил этому постоянное подтверждение в собственном духовном опыте. Он считал, что если человек не признает существования бесов, то он будет пребывать в заблуждении и, сам того не осознавая, терпеть разрушительные последствия их нападений, при этом не имея средств им противостоять. В своих беседах старец Сергей часто любил повторять поговорку: «Самая великая уловка дьявола – заставить поверить в то, что его не существует». Дьяволу вовсе не нужно, чтобы его узнавали, и он не собирается «тратить время» на тех, кто и так исполняет его волю. Дьявол и бесы обрушиваются именно против тех, кто стремится

творить волю Божию, и именно в этом случае их действие наиболее очевидно.

Бесы проявляют себя в особенности ярко в момент молитвы. Они делают это двумя способами:

1) наводя на молящегося состояние оцепенения, нерадения, усталости или отвращения, подталкивая его к тому, чтобы не начинать молитву или перестать молиться;

2) вызывая в молящемся либо дурные помыслы, которые могут стать искусительными, либо обычные мысли (ни плохие, ни хорошие), которые отвлекают от молитвы.

Эти два вида проявлений бесовского воздействия не должны ни удивлять, ни волновать; их следует принимать как «классические» ситуации, перед лицом которых мы должны оставаться невозмутимыми и с которыми должны бороться терпеливо и с покаянием.

Дурные помыслы – это приманка, с помощью которой бесы стремятся привлечь наше внимание, чтобы мы вступили с ними в беседу: тогда они легко проникнут в сердце, а выгнать их оттуда будет трудно. Нужно сразу же отсекал помыслы и не обращать никакого внимания на бесовские внушения. Если мы дали себе поблажку и вступили в беседу, последнее слово должно непременно остаться за нами.

Бесы прибегают к самым различным хитростям, чтобы отвлечь нас от молитвы. Например, они заставляют нас откладывать ее, внушая, что попозже мы отыщем более благоприятный момент. Еще они пытаются заставить нас прервать молитву, внушая нам мысль, что, поскольку мы недостаточно внимательны (например, из-за усталости), то молитва бесполезна. Нужно знать об этих ловушках, чтобы избегать их.

Другой их излюбленный прием – заставить нас отчаяться, внушив нам, что зло, которое они нам нашептывают, исходит от нас и является нашей частью.

Тем самым они стремятся нас сроднить с собой. Однако следует знать, что наша природа, если не считать наших ошибок и несовершенств, в основе своей добра, что всякая душа одухотворяется Святым Духом, что зло нам онтологически чуждо, а бесы живут, паразитируя на нашей внутренней жизни, желая повернуть к своей выгоде все, что есть в нас хорошего.

Бесы пользуются нашими сновидениями, чтобы внедриться в нас, пронизать нашу бессознательную сферу и внушить нам с самого пробуждения на весь день образы, мысли и состояния, которые, с духовной точки зрения, для нас нежелательны. Зная о стратегии противника, мы не должны, просыпаясь, вспоминать сны; нужно каяться во всем том, что они произвели в нас дурного и во всех следах зла, которые они в нас оставили. Таким способом можно с легкостью от них очиститься, лишив тем самым бесов всякой способности воздействовать на нас через их собственные следы. Даже если впечатление от сна очень яркое, его всегда можно стереть, побеждая всякое сопротивление покаянием.

Бесы стремятся навредить нам всеми возможными средствами и атакуют нас на нескольких фронтах: либо одновременно, либо поочередно.

Когда нам удастся отбить их атаку, они нападают на нас с других сторон и пробуют другие средства, чтобы достичь своей цели.

Бесовские искушения – серьезная опасность для духовной жизни. Мы должны противопоставить им «инстинкт» духовного самосохранения, чтобы избежать духовной смерти, подобно тонущему, который стремится выбраться из воды, чтобы не утонуть.

Брань с дьяволом и с бесами в этой жизни никогда не прекратится. Дьявол без передышки рыщет вокруг нас, стремясь внедриться в нас (см.: 1 Пет. 5:8), и

поэтому является для нас постоянной духовной опасностью.

Молитва, с помощью которой мы можем изгнать его из нашей духовной жизни, позволяет еще и держать его «вовне» (учение старца Сергия в этом сходно с учением преподобного Макария Египетского и блаженного Диодоха Фотикийского). Но нужно бдительно следить за тем, чтобы молитва не оскудевала, ибо, если бес находит дом пустым, выметенным ленью и украшенным самодовольством, то он возвращается в такую душу с семьей еще более злобными духами и поселяется там с ними (см.: Лк. 11: 24-26).

Против бесовского воздействия следует применять такие духовные средства, как покаяние, смирение и молитва. В психологическом плане нужно проявлять постоянную бдительность и в случае нападения тут же на это реагировать (то есть не быть пассивным) и, не колеблясь и не медля, обращать на них свой гнев. Ведь гнев против бесов оправдан; его не следует смешивать со страстью гнева. Прежде всего нужно хранить в себе состояние безразличия, бесстрастия, невозмутимости по отношению к бесовским внушениям и нападкам, так чтобы они нас не затрагивали и не волновали никоим образом. К такому состоянию нас лучше всего остального подводит внимательная молитва.

Борьба с помыслами - средство победы над страстями

Страсти всегда рождаются, проявляются и развиваются на основе помыслов, то есть умственных представлений и образов.

Поэтому борьба со страстями должна основываться на борьбе с помыслами.

Помыслы возникают как искушения, исходящие от бесов (некоторые святые отцы называют их поэтому «бесами»), и являются «внушениями», направленными

на то, чтобы заставить человека грешить или развить в нем страсти.

Борьба с помыслами должна начинаться с отсечения помыслов, с полного отказа уступать внушениям, с безразличия к ним. Действительно, чем больше внимания обращаешь на помыслы, тем сильнее они становятся. Более того, если прогнать искушение, как только оно появится в сознании, мы освобождаемся от него и не совершаем греха.

Через внушения бесы пытаются привлечь внимание человека, а затем вынудить его вступить с ними в беседу. Это своего рода очень соблазнительная наживка. Если человек заглатывает ее и вступает в дискуссию с бесами, он еще не согрешает и не входит в страстное состояние (это происходит лишь на дальнейшем этапе «договора»), но вступает на путь, предложенный бесами, и отступить назад ему уже трудно. К тому же от беседы уже не так далеко до «соединения» с помыслом, когда мы начинаем уже привязываться к нему и, как говорил старец Сергей, «наше чувство со работает помыслу». За сотрудничеством неизбежно следует «соглашение», за соглашением – переход к действию (превращение помысла в слова или поступки), который, повторяясь неоднократно, водворяет в душе привычку или состояние, собственно говоря, и называемое страстью.

Поэтому лучше не вставать на этот путь (способность отталкивать бесов во время беседы свойственна лишь тем, кто достиг духовной зрелости), но сразу же применять более надежное средство – то есть мгновенное и всецелое отсечение помыслов при первом же их возникновении. Старец Сергей сравнивал помысел с разгорающимся пламенем, которое, если не затушить его тут же, разрастается и превращается в пожар, перед которым мы быстро оказываемся беспомощными. Еще старец сравнивал искушение со

змеей, которая спешит нас укусить и которую мы должны поразить до того, как она прикоснется к нашей коже.

Отсечение помыслов с самого возникновения должно стать абсолютным принципом, с которым мы не должны совершать сделок, должно стать своего рода рефлексом, систематической и автоматической привычкой.

В то же время следует знать, что если мы постоянно отсекаем помыслы, их не становится меньше, наоборот – бесы ожесточаются против нас и умножают нападения. Однако при постоянном отсечении и игнорировании помыслы теряют свою силу. Если прежде они были внутри нас, так как находили в нас для себя пищу, могли развиваться, то теперь они становятся все более и более внешними и чуждыми нам, и поэтому их власть над нами уменьшается раз от раза.

Повторяющееся отсечение помыслов и невнимание к ним как раз и приводят к отмиранию в нас страстей, так как страсти лишаются того, посредством чего они могли бы зарождаться, развиваться и проявляться в нас.

Однако освобождение от страстей не является простым результатом применения ментальной техники для контроля над помыслами. Так как страсти – явление духовное и тесно связаны с действием бесов, для победы над ними необходима высшая сила благодати, которая стяжается лишь покаянием, смирением и молитвой. Поэтому как только возникает дурной помысел, следует тут же покаяться, попросить у Бога прощения. Помыслам сразу же нужно воспротивиться Иисусовой молитвой, которая является наилучшим орудием борьбы и победы над ними для постепенного очищения от всех страстей. Старец Сергей настаивал на том, что молитва – единственный способ победы над искушениями.

Прежде всего следует остерегаться мысли о том, что искушения могут быть побеждены раз и навсегда и что дурные помыслы не вернуться: это означает, что мы впадаем в гордость и легко отступим перед искушениями, если они придут вновь.

Перед лицом осаждающих нас искушений мы должны вести себя как генерал, который во время войны руководит сражением и держит наготове войска, чтобы дать отпор врагу, откуда бы он ни появился, и в то же время мы должны быть смиренными – подобно ребенку, который, оказавшись в опасности, бежит к отцу и ищет прибежище в его объятиях.

Различение помыслов

Борьба с помыслами — основа борьбы со страстями – становится особенно напряженной во время молитвы, когда действие помыслов проявляется сильнее и с большей очевидностью, чем во время наших повседневных дел. Но эта борьба должна стать для нас делом постоянным. С помощью молитвы и чтения Священного Писания нужно приучиться различать помыслы – эта способность позволит нам во всех обстоятельствах нашей жизни принимать добрые помыслы и отвергать дурные, так чтобы они не смогли перейти в слова или дела.

Старец Сергей говорил: «Нужно постоянно подвергать помыслы досмотру, который показал бы, откуда они происходят: от Бога или от дьявола, а те, которые исходят от дьявола, отвергать энергично, безусловно и беспрекословно». Еще одним условием этой способности к различению является внутренняя чистота, ибо если мы пребываем во грехе, то теряем способность различать помыслы и видеть собственные грехи и страсти.

Подвиг

Борьба со страстями является частью подвижнической жизни, которую старец Сергей понимал прежде всего как внутреннюю дисциплину, трезвенное отношение к помыслам.

Если говорить об аскезе в строгом понимании этого слова, заключающейся в посте, бдениях, физическом изнуряющем труде, то старец Сергей, который сам питался очень скудно, ограничивал время своего сна и без единого слова выносил любые тяготы, очень заботливо предостерегал своих чад как от всякого рвения не по разуму, так и от формализма.

По его мнению, в духовной жизни нельзя продвигаться урывками. «Человек, – говорил он, – не должен совершать прыжков». Духовная жизнь должна развиваться постепенно.

Старец решительно протестовал против аскетических «подвигов». Если человек совершает аскетические подвиги периодически, а не постоянно, то следствием таких «взрывов» становятся периоды расслабленности, и следовательно, такие усилия скорее предосудительны, чем полезны. Важнее всего в духовной жизни регулярность и постоянство.

Подвижничество должно исключать пренебрежение или презрение по отношению к собственному телу. Старец напоминал, что, с одной стороны, Христос – целостный человек, обладающий телом, а с другой стороны, и мы сами являемся Телом Христовым (см.: 1 Кор. 6:15), а наше тело – храмом Духа Святого (см.: 1 Кор. 6:19). Когда грех прилепляется к телу, нужно ненавидеть грех в теле, но не само тело, которое сотворено Богом.

Духовная жизнь требует того, чтобы мы хранили бодрость и духа, и тела. Тело участвует в духовной жизни и необходимо для нее. Исходя из этого, его нужно скорее укреплять, нежели умерщвлять. Сам Христос не пренебрегал Своим телом и подкреплял

телесные силы: Он ел и спал. А вот бесы как раз не едят и не спят.

Что важно в очах Божиих, так это наше духовное состояние, наш настрой на то, чтобы обратиться, преобразить собственную жизнь в Боге. По поводу тех предписаний закона, которые сохранились в Новом Завете, старец Сергей напоминал слова Евангелия: Все это дано, чтобы вы переменились. Он учил тому, что Великий пост нужно переживать не как совокупность правил, но как повод к тому, чтобы изменить нашу жизнь.

Старец Сергей, для которого, как мы видели, огромное значение имело покаяние, любил повторять стих из 50-го псалма: Жертва Богу дух сокрушен (Пс. 50:19).

Аскеза никогда не должна восприниматься как самоцель. Нужно хранить в своем сердце главную цель христианской жизни – стяжание Духа Святого.

Жизнь по добродетелям

Добродетели – это привычное душевное расположение или состояние, которое помогает нам жить, всем существом обратясь к Богу, жить в Боге.

Мы уже сказали подробно о покаянии и молитве. Теперь скажем о других добродетелях, которые упоминал в своих наставлениях старец Сергей.

Вера

Старец напоминал слова Евангелия о том, что строить следует на камне, а не на песке. Если мы строим на песке, то дом нашей души обрушится и начнет осыпаться со всех сторон. Поэтому его следует строить на камне и укреплять. Камень – это вера.

Вера – это не представление о Боге (как слишком часто теперь думают на Западе), а духовное состояние,

которое охватывает все наше существо и обретает очень конкретное и жизненное воплощение.

Самообладание

Старец Сергей учил, что нужно всегда следить за тем, чтобы быть трезвенными, бодрыми, чтобы обладать, по слову апостола Павла, ревностью (см.: 2 Кор. 11:2; Евр. 6:11-12). Христианин не должен быть пассивным, пускать все на самотек, нужно брать жизнь в свои руки; нельзя поддаваться и идти на поводу у ощущений, воображения, впечатлений, но во всем и всегда нужно быть себе хозяином. Это та добродетель, которая у святых отцов названа «воздержание» в самом широком смысле этого слова.

Чтобы стяжать эту добродетель, у нас есть сила благодати, подаваемая нам в Таинствах.

Добродетель беспристрастия

Одна из основополагающих для духовной жизни добродетелей – это беспристрастие.

Возрастание в духовной жизни проявляется не столько в ярких, бросающихся в глаза приобретениях, сколько в постепенном отречении от всего. Старец в этом случае любил приводить слова отца Софрония: «Наше обогащение – это обнищание».

Беспристрастие – это дистанцирование. В повседневной жизни важно не давать угнетать себя помыслам о материальных вещах, не дрожать над ними, а соблюдать по отношению к ним определенное безразличие. Обладая этим качеством, мы сможем не только быть более свободными духовно, но и легче вести все свои дела.

Парадоксально, но человек гораздо лучше контролирует материальную сторону жизни и различные ситуации, если он относится к ним отстраненно. Старец приводил такой образ: если кто-то

хочет поднять тяжелый камень при помощи рычага, то меньше сил он затратит, взявшись за рычаг не возле камня, а подальше от него.

Истинное беспристрастие по отношению к вещам не то же самое, что отвращение или отсутствие интереса к ним.

Беспристрастие по отношению к другим людям (речь идет об их суждениях, их критике, их оскорблениях) исключает при этом всякое презрение.

По отношению к самому себе беспристрастие достигается постоянным стремлением думать меньше о себе и больше о Боге.

Одно из наиболее действенных средств достижения беспристрастия – это памятование о смерти и определенный душевный настрой, сопутствующий ей, на то, чтобы проживать каждый день как последний в своей жизни.

Жить одним днем

Беспристрастие должно проявляться по отношению к настоящему, а также по отношению к прошлому и к будущему.

Поэтому старец Сергей часто любил давать совет «жить одним днем». Чтобы прийти в такое состояние духа и поддерживать его в себе, он рекомендовал завести себе привычку начинать каждый день, не оглядываясь назад и не думая о завтрашнем дне, как если бы этот день был полностью новым и единственным, который нам предстоит прожить.

С одной стороны, не нужно беспокоиться о будущем: во-первых, эти страхи и опасения не в силах ничего изменить (в этом старец Сергей основывался на словах Христа (см.: Лк. 12:22-31)); кроме того, строя планы на будущее, человек отдаляется от настоящего и рискует провести всю свою жизнь, не замечая настоящего момента. Тем не менее старец никогда не

имел в виду, что нужно быть непредусмотрительным. Он говорил: «будущее нужно готовить». Но он был при этом убежден, что лучший способ готовить будущее — это как можно лучше проживать настоящее. В действительности, именно то, что мы проживаем сегодня, определяет и подготавливает то, чем мы будем жить завтра.

Однако строить на будущее планы бесполезно, так как никогда ничто не происходит так, как мы пытались предугадать: всегда происходят неожиданные события, и они переворачивают все наши замыслы. Итак, мудрость в том, чтобы жить в настоящем и положиться на Бога в том, что касается будущего.

С другой стороны, нельзя прилепиться к прошлому и даже оборачиваться назад; следует забывать то, что произошло накануне или в предыдущие дни. Говоря так, старец заботился о том, чтобы мы не отчаивались из-за грехов, совершенных прежде, чтобы нас не «раздавил» груз прошлого и чтобы оно не завладело нами, но чтобы в каждый момент была возможность начать все с нуля и вести новую жизнь во Христе, к которой нас призывает Евангелие, что, впрочем, не исключает необходимости покаяния.

Поэтому, как советовал старец Сергей, нужно «жить в настоящем», так как это — единственное по-настоящему реальное время, единственное время, которое для нас по-настоящему имеет значение. «Нас должно в первую очередь волновать, — учил он, — то, каковы мы в настоящем, то состояние, в котором мы в настоящее время можем предстать перед Христом».

Память о смерти является одним из лучших средств применить эти советы на практике, достичь не попечительности и жить настоящим моментом.

Память смертная

«Память смертная» в учении старца Сергия, как и у всех святых отцов, занимает решающее место.

Эта традиционная аскетическая практика заключается в том, чтобы постоянно осознавать не только то, что мы однажды умрем, но и что тот день, в котором мы живем, может стать последним днем нашей жизни. Старец даже говорил, ссылаясь на святых отцов, что каждый день, который не был прожит в таком состоянии духа, – потерянный день.

Разумеется, целью этого является не траурная, печальная и скорбная жизнь: христианин не должен быть парализован страхом смерти или стать пассивным и бездеятельным из-за мысли о том, будто бы смерть делает бесполезными все наши дела и все наши планы. Старец Сергий и святые отцы подчеркивали ценность памяти смертной, так как на своем опыте познали, что для духовной жизни она совершенно необходима.

Естественно, это делание обращено в будущее: оно помогает постоянно быть готовым к встрече с иным миром, чтобы смерть не застала нас врасплох, придя как тать ночью (1Фес. 5:2), чтобы мы подготовились к ней с чувством покаяния, чтобы предстать «без упрека и стыда перед Страшным Судом Христовым». Старец Сергий учил, что мы должны вести себя, как благоразумный разбойник на кресте, так как, возможно, впереди у нас не больше времени, чем было у него; наше состояние должно быть подобно бодрствованию мудрых дев, которые всегда следили за тем, чтобы в светильниках было масло, чтобы не пропустить встречу с Небесным Женихом и оказаться приглашенными на свадебный пир (см.: Мф. 25:1-13). У старца Сергия был еще один любимый образ: путешественник, ожидающий поезда в далекую страну, который знает, что поезд должен приехать с минуты на минуту, и готов сесть на него в любой момент. Память смертная помогает

выполнять заповедь Христа: Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа (Мф. 25:13).

Однако ее положительный эффект относится не только к будущему, но и к настоящему.

Память о грядущей смерти и Божиим суде помогает верующему хранить себя от греха. Старец напоминал совет из книги Премудрости Иисуса, (сына Сирахова: Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь (Сир. 7:39). Держа в памяти слова Господа в чем застану, в том и сужу, помня о смерти, мы будем бдительно следить за тем, чтобы каждый миг пребывать в мире с Богом и ближними.

Память о смерти, как это ни парадоксально, помогает нам лучше жить. Она побуждает нас постоянно осуществлять выбор между важным и второстепенным и научает нас различать это. Благодаря памяти смертной мы начинаем отстраненно относиться к преходящему образу мира сего (1 Кор. 7:31; см.: 1 Ин. 2:17) и постепенно приобретаем безпристрастие; но прежде всего она помогает нам сосредоточиться на самом главном, на едином на потребу (см.: Лк. 10:42).

Она дарит верующему, осознающему, что время уже коротко (1Кор. 7:29), ощущение неотложности духовной жизни, помогает ему не растратить время, а разумно им «пользоваться», как говорит апостол Павел (см.: Кол. 4:5).

Заповедь, о которой часто говорил старец Сергей: «проживать каждый день так, как если бы он был последним», вовсе не подразумевает, что один день не имеет значения; напротив, она выявляет ценность и значимость не только каждого дня, но и каждого часа, каждой минуты и каждой секунды, помогает нам проживать их содержательно, осознавать их уникальность и неповторимость, и поэтому делает их максимально духовно насыщенными. Это своего рода

христианский вариант *saepe diem*. Кто-то из духовных чад спросил старца, не станет ли из-за памятования о смерти каждый отдельный день чем-то относительным, напомнив при этом слова Писания, в которых говорится, что в очах Божьих тысяча лет, как один день (2 Петр. 3:8). Старец ответил ему, что верно также и то, что для Бога один день важен как тысяча лет. Истинная непопечительность, учил он, состоит не в том, чтобы внушать себе, что все неважно.

Напротив, нужно стремиться осознать, что все исполнено смысла, и что мельчайший поступок в нашей жизни имеет свой смысл для нашего спасения.

Итак, память смертная побуждает нас к тому, чтобы быть более активными в стремлении к спасению. Она помогает избежать застоя в духовной жизни и позволяет нам избавиться от праздности и отчаяния.

Лови момент (лат.)

Порой старец Сергей говорил не о том, что нужно «проживать каждый день, как если бы он был последним», а что нужно «проживать каждый день, как если бы он был единственным». Если стараться строго выполнять этот совет, то каждый день может оказаться для нас ключевым моментом всей жизни, вобрать в себя важность всей нашей жизни.

Благодаря «памяти смертной» серость повседневной жизни рассеивается; в нашей жизни не останется места скучным дням: нужно, по словам старца, «проживать каждый день значительно».

Терпение

Как и все святые подвижники, старец Сергей большое значение придавал добродетели терпения.

Терпение необходимо, чтобы переносить трудности и неприятности, которые неизбежно встречаются в нашей жизни (старец Сергей употреблял

даже такое яркое выражение: «мы в этом мире для того, чтобы терпеть неприятности», так как страдание присуще падшему состоянию человечества), чтобы нести свой крест (см.: Мф. 27:32).

Одному из своих чад, жаловавшемуся на чувство отвращения и на страдания, доставляемые ему его профессиональной деятельностью, старец ответил, что это абсолютно нормально (так как наша деятельность в этом мире, если не считать собственно духовной деятельности, не соответствует нашей истинной природе и связана с нашим пребыванием в падшем состоянии) и что средство переносить это – терпение. В том разговоре он подчеркнул, что отцы-пустынники, когда не имели занятия, зачастую искали для себя бессмысленную работу, чтобы благодаря ей упражняться в терпении (например, в «Патериках» описывается случай с одним подвижником, который постоянно расплетал и сплетал вновь одну и ту же корзину из пальмовых прутьев).

Терпение, наряду с покаянием и молитвой, – еще одно оружие в невидимой брани, которую мы должны постоянно вести с искушениями и со всеми препятствиями, что ставит на нашем духовном пути враг рода человеческого.

Оно помогает нам каждый день совершать свое духовное правило даже тогда, когда мы не извлекаем из этого никакой духовной радости, когда, наоборот, препятствий, что ставят нам бесы, и тягот становится все больше.

Именно благодаря терпению мы, не унывая, можем нести то иго, что возложил на нас Христос (см.: Мф. 11:29-30).

Старец, учивший, как мы видели, об аскетическом делании очень взвешенно и трезво, считал, что для того, чтобы возрасть в подвиге по-настоящему и без риска, нельзя делать скачков. «Нужно, – говорил он, –

идти к Богу постепенно, с постоянством. Средний путь – царский». Не нужно проявлять нетерпение, желая немедленных результатов и достижения цели с разбегу. Это искушение, которое нужно уметь преодолевать, и помогает нам в этом именно терпение. Ожидание немедленных результатов в ответ на собственные усилия есть ни что иное, как гордость и требовательность; в желании быстро достичь цели присутствует гордость. Вот почему старец говорил, что «терпение – это чадо смирения».

Еще старец Сергей учил, что терпение – это, вопреки нашим представлениям, не пассивное состояние, в котором нам якобы остается ждать, пока не улучшится наше положение из-за внешних обстоятельств, не зависящих от нашей собственной воли. Напротив, это активная позиция борьбы, которая, как мы уже отмечали, должна сопровождаться молитвой.

Мир

Состояние примиренности с Богом и с ближним, по мнению старца Сергея, является необходимым предварительным условием всякой духовной деятельности (в частности – молитвы и причастия). Если такового отсутствует, требуется покаяться и примириться.

Гнев и все формы агрессии допустимы лишь в единственном случае: когда речь идет о борьбе с искушениями, с грехами, со страстями и с нашими духовными противниками – бесами. Тогда они не только оправданны, но и необходимы: «Необходимо вооружаться против бесов со злобой и даже гневом». Это не обычный, страстный гнев, а духовный, «праведный гнев», который полностью совместим с внутренним миром.

Истинный мир – это не внутреннее спокойствие или отсутствие беспокойства, а духовное состояние, дар Божий. Это не мир в мирском понимании слова (который нестабилен и ненадежен), а «свышний мир», о котором мы просим в молитвах за богослужением. Мы должны любить этот мир и добиваться его любой ценой, так как он – великое духовное благо.

Смирение

Смирение – это основа духовной жизни и в то же время, как и любовь, – ее вершина.

Сам Христос подал нам пример смирения: будучи Богом, Он смирился, став человеком, и смиренно произнес: Восхожу к Отцу Моему (Ин. 20:17). Итак, смирение имеет свое основание и свой источник во Христе.

Стремиться приобрести смирение совершенно необходимо: всякое благо, которое мы получаем в духовной жизни, мы получаем от Бога в ответ на наши молитвы. Поэтому для того, чтобы Господь подал нам то, что мы у Него просим, мы должны просить это у Него со смирением.

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Старец Сергий напоминал о том, что преподобный Исаак Сирийский учил, что прийти к Богу можно только через смирение.

Без смирения мы не можем абсолютно ничего. Если у нас нет смирения, вся наша духовная жизнь разрушается и все наши добродетели становятся бесполезными. Поэтому прежде всего следует искать смирения. Наряду с любовью эта добродетель – наилучший путь ко спасению. Как часто говорил старец, смирение – это «короткий путь к спасению».

Искать следует смирения, а не святости, так как святость без смирения – лишь тщеславие. Ангелы, которые пали и стали бесами, обладали совершенством,

поскольку были ангелами, но они не имели смирения – и потому, обладая лишь совершенством, стали бесами. Тот же жребий ожидает и нас, если мы будем искать святости, не ища прежде смирения.

Нужно проявлять смирение не только перед Богом, но и перед людьми, не заботясь о том, как они будут на это реагировать, – то есть о том, будут ли они испытывать чувство превосходства или пренебрежения, видя с нашей стороны смирение, и не боясь, что другие могут при случае злоупотребить этим (старец Сергей говорил, что люди пользовались смирением множества святых). Единственное, что имеет значение, – это то, что думает о нашем поведении Господь. И в этом смысле смиренным нужно быть для Бога, не для людей.

Любовь к ближнему

Старец Сергей в своих поучениях много говорил о любви к ближнему. Он напоминал, что весь закон сводится к двум заповедям: о любви к Богу и о любви к человеку. Любовь к ближнему определяет истинную ценность всей духовной жизни. Если ее нет, то все остальное тщетно. Без любви, говорил старец вслед за апостолом Павлом, человек – «кимвал звенящий» (см.: 1 Кор. 13:1).

Любовь к ближнему – это духовная любовь: она подразумевает связь и соотнесенность с Богом. Ближнего нужно любить в Боге и благодаря Богу. Еще его нужно любить ради Бога, а не для себя самого. «Любовь без Бога, – говорил старец, – это эгоистическая любовь».

Любовь может стать неэгоистичной и быть такой, как это задумано Богом (в Боге, благодаря Богу и ради Бога), через молитву.

Любовь имеет множество измерений, проявляется в различных поступках и способах поведения.

Прежде всего она исключает всякое осуждение ближнего. Важно, чтобы в наших отношениях с людьми они чувствовали, что мы их не судим.

Следовательно, любовь подразумевает терпимость. Старец Сергей говорил, что нужно непреклонно соблюдать верность истине и добру, но проявлять крайнюю терпимость по отношению к людям, которые грешат или заблуждаются.

Любовь подразумевает также и смирение. Любовь исключает чувство какого бы то ни было превосходства по отношению к другим – например по той причине, что мы, дескать, христиане и, следовательно, очень духовны, тогда как те, кто находится вокруг нас, таковыми не являются... Будучи христианами, мы обладаем истиной, так как у нас есть Христос, Который произнес слова: Я есть истина (см.: Ин. 14:6). Однако не следует гордиться этим – напротив, это облакает нас ответственностью. Мы должны не превозноситься над другими, а осознавать, насколько мы сами недостойны ТОЙ истины, которой обладаем.

Итак, перед другими мы должны испытывать не только смирение, но и покаяние, помня не только о своих грехах, но и обо всем том, что мы могли сделать хорошего, но не сделали.

Когда мы видим грехи других, мы должны не обвинять их, обижаться на них или просто их осуждать, а чувствовать, что мы сами в ответе за это. Старец Сергей говорил об этом абсолютно в духе русской монашеской духовности, который в романе Достоевского «Братья Карамазовы» выражен через слова старца Зосимы: «Всякий из нас пред всеми во всем виноват».

Любовь к ближнему подразумевает прежде всего и понимание, сострадание, милосердие и доброту.

Это не обязательно какая-то обширная деятельность или крупные благотворительные акции:

простое слово, простой знак внимания, краткая молитва – все это приносит нашему ближнему тепло.

Любовь – это в первую очередь внимание к ближнему. По отношению к другим нужно быть наготове, находиться в состоянии постоянного духовного внимания и готовности прийти на помощь.

Мы должны проявлять доброту по отношению ко всем людям. Всем трудно. Все пребывают в состоянии духовной нищеты. Все немощны: нет ни одного, кто находился бы в добром духовном здравии. Даже если люди чувствуют себя хорошо, они являются больными по сравнению с тем, к чему они призваны в вечности. Ко всему этому добавляются жизненные невзгоды: читая газеты, мы каждый день видим, какой крест несет человечество. Исходя из всего этого, мы должны осознать, что все люди несчастны и нуждаются в нашем сострадании и доброте.

Все люди, которые нам встречаются, должны чувствовать, что мы испытываем к ним симпатию, желаем им добра, стремимся им помочь – словом, что мы их любим.

Любовь подразумевает признание абсолютной ценности личности каждого человека. Старец Сергей, большой знаток творчества Достоевского, признавал, что писателю принадлежит великая заслуга в том, что ему удалось показать, как судьба самого незначительного человека становится очень важной и вместе с тем трагичной, всецело заслуживающей нашего внимания и сострадания. Он напоминал, что Христос стал человеком, чтобы спасти последнего из последних. Он подчеркивал, что люди всегда тем более важны, чем менее важными они кажутся, и что мы должны тем больше их уважать, чем меньше, как нам кажется, они заслуживают уважения.

Мы должны заботиться о каждом человеке, стремиться помочь ему и желать его спасения. Однако

нужно взять себе за правило никогда не навязываться. Не следует поучать других: это раздражает людей и всегда отпугивает их от нас. Нужно остерегаться давать даже самые незначительные советы, если нас об этом не просят. Когда человек действует во благо других, он всегда должен делать это с великим смирением. Примером для подражания нам может служить преподобный Серафим Саровский: он являл великое смирение по отношению к каждому из приходивших к нему посетителей.

К вопросу о том, что когда-то на Западе было принято называть «миссионерским духом», а сегодня чаще всего обозначают выражением «свидетельство о вере», старец подходил очень тонко. Известно, что «миссионерский» дух несвойственен православному образу мышления. Тем не менее старец считал, что вполне естественно то, что мы хотим поделиться своей верой, являющейся для нас великим сокровищем, с теми, кто ее не имеет. При этом не стоит стремиться убедить других при помощи слов. Убеждать нужно примером. В «Патериках» рассказывается, что, когда преподобный Антоний пришел в Александрию, одно его появление произвело больше, нежели все споры всех александрийских богословов вместе взятых. Прежде чем обращать других, нужно обратиться самому, чтобы не пришлось слышать упреков вроде: Врачу, исцелился сам! (Лк. 4:23).

Людей больше убеждает то, чем являемся мы сами, а не то, что мы говорим. В Деяниях есть эпизод о том, как человек, который хотел изгнать бесов именем апостола Павла, услышал в свой адрес вопрос: Павел мне известен, а вы кто? (см.: Деян. 19:15). Повторяя из раза в раз, что люди обращаются не под влиянием слов, а в силу увиденного примера, старец Сергей утверждал: «порой людям нужно говорить о Боге, а порой нужно помолчать». Сам он говорил о духовных

вещах, только если его сильно об этом умоляли, но своим настроением и своими делами он являл собой яркий пример жизни во Христе. Старец учил, что Православная Церковь говорит людям не «Обратитесь!», но «Придите и увидите!» Когда нам нужно сказать о Боге, следует помолиться Святому Духу, чтобы Он просветил нас и внушил то, что нам нужно говорить. Во всяком случае, нужно молиться за других, прежде чем сказать им что бы то ни было, и именно в молитве мы и обретем то, что нужно им говорить и чего не нужно.

Вообще молитва играет важнейшую роль в том, чтобы приобрести, удержать в себе и возрастить добродетель любви к ближнему, в том, чтобы правильно ее проявлять.

Именно молитва делает нас постоянно внимательными к другим и к их нуждам.

Сострадание побуждает нас к молитве, а молитва питает наше сострадание и нашу доброту.

Молитва за ближнего – это помощь для нас самих, так как она возвращает в нас способность любить, но в первую очередь она является помощью для того, о ком мы молимся: он получает и ощущает пользу от нашей молитвы.

Главная помощь, которую другие могут получить от нас, – это помощь нашей молитвы. Мы должны молиться в первую очередь о тех людях, за которых мы несем ответственность, то есть о чьих трудностях нам известно. Но мы должны осознавать, что в нашей молитве нуждаются все люди – так же, как они нуждаются и нашей добротой.

Именно молитва, открывая перед нами нужды других, вместе с тем учит нас тому, что следует делать: сказать или промолчать, действовать или нет, а если да – то что именно сказать и как именно действовать.

Молитва помогает нам общаться с людьми на более глубоком уровне. Она позволяет нам лучше понимать их и быть более чуткими к их потребностям. Если мы не молимся или если наша молитва убога, мы воспринимаем мир поверхностно. Через молитву мы приобретаем такое знание о людях, которое находится за пределами естественного познания. Преподобный Серафим Саровский, который непрестанно молился о своих родителях, мог, находясь далеко от них и не получая от них новостей, знать обо всем, что происходит в их жизни.

Именно в молитве мы можем проявить свою любовь и помочь не только живым, но и усопшим, по отношению к которым мы можем действовать только таким способом. Молитва об усопших, как мы уже видели, занимала в жизни старца Сергия, как и в жизни всех великих подвижников, очень значительное место. Она свидетельствует о том, что человек способен любить бескорыстно.

Если же говорить о живых, то, как мы уже сказали, молитва является одним из способов стяжания любви, лишенной всякого эгоизма, имеющей свое основание в Боге и действующей через Него и ради Него, а не в нас, ради нас и через нас.

Если попытаться подытожить учение старца Сергия о любви, то стоит привести его фразу о том, что «источник всего, что касается любви к ближнему, находится в молитве за ближнего».

Любовь к Богу

Старец Сергий напоминал слова Евангелия о том, что весь Закон и пророки сводятся к заповеди любить Бога и своего ближнего. Но, как и все святые отцы, он не углублялся в конкретные рассуждения о любви к Богу, так как она, по учению Самого Христа (см.: Ин. 14:15,21,23; 15:9-10) и апостола Иоанна (см.: 1 Ин. 2:5;

5:2-3), состоит в исполнении заповедей и в жизни в соответствии с добродетелями. Однако он очень настойчиво говорил о том, что мы должны любить Бога всеми своими силами, в том числе и разумом, который должен служить нам не только для того, чтобы познавать Бога. Любви к Богу старец отводил более значительное место, нежели богопознанию, ибо любовь есть условие познания, а также то, что придает знанию ценность, так как, по словам апостола Павла, которые любил приводить старец, если «не имею любви, -то я ничто» (см.: 1 Кор. 13:2). Он напоминал, что первая заповедь, данная Христом, такова: Возлюби Бога всем помышлением своим (см.: Мф. 22:37; Мк. 12:30; Лк. 10:27), а не «Познай и пойми Бога ноём своим помышлением».

Богопознание

Истинное знание о Боге прилагается нам как плод смирения и любви, - и не как результат наших собственных усилий познать Его или как результат интеллектуального процесса, продукт некоего гносеологического действия, - ибо это знание находится за пределами разумных способностей и дается нам от Бога как благодать.

Итак, мы должны искать не знания, а любви и смирения. Если у нас есть смирение и любовь, знание подастся нам.

Благодать

Мы имеем возможность возрасть в духовной жизни благодаря силе благодати, которую мы получаем через Таинства (в особенности через Таинства Крещения и Причащения); благодаря этому мы можем преодолевать все препятствия, превозмогать все опасности, которые нам встречаются, избегать подводных камней уныния и охлаждения, с победой

выходить из всех битв против невидимых врагов и, наконец, соединяться с Богом.

Благодать восполняет немощи и все изъяны нашей воли и может совершить то, что наша воля сама сделать не в состоянии. По этой причине не нужно жаловаться на недостаток воли. Лучше иметь слабую волю, чем сильную: так мы скорее осознаем свою немощь, свою недостаточность, и избежим впадения в самодовольство и гордость.

Мы должны постоянно вести себя, как маленький ребенок, который, встретив трудности или опасности, сразу же бежит за помощью к матери или отцу.

Все, что сделали христианские подвижники, все, чего достигли святые, совершенно не ими самими и не их собственной волей. Они целиком положились на Бога и действовали Божией благодатью. Духовно возрастая можно не в силу развития собственной воли и собственных сил. Христианский святой – это не супермен со сверхмощной силой воли. В этом кроется отличие христианства от некоторых восточных религий – например, индуизма, где человек может творить из ряда вон выходящие вещи благодаря развитию собственных сил и собственной воли. Христианский святой, напротив, что делает, делает силой Божией.

Великая тайна духовной жизни, как говорил старец Сергий, состоит в том, чтобы действовать силой Божией, а не собственными силами.

Мы должны знать, что духовную брань мы ведем не в одиночку, что с нами рядом в помощь нам постоянно пребывают Матерь Божия и святые, что Сам Христос никогда не отказывает нам в помощи и в поддержке Своей благодатью, когда мы совершаем «подвиг добрый».

С миром бороться нужно не при помощи мирских аргументов, но с помощью аргументов от Бога. Бороться

с бесами нужно не их собственными орудиями, но орудиями от Бога.

Вся сила, необходимая для борьбы с грехом, исходит от Бога и может быть получена через молитву.

Нужно хранить уверенность в том, что в грехе нет predeterminedности, что Бог всегда сильнее греха и что нет такой страсти или греха, которые не могли бы быть в итоге побеждены силой благодати.

То, что мы получаем от Бога, должно к Богу возвращаться. Когда мы обогащаемся благодатью, которую подает нам Господь, мы должны обогащаться не в себя, но в Бога.

Когда благодать входит в нас, это проявляется незримым образом. Пророк Илия познал Бога не в огне и не в ветре, а в тончайшем дуновении.

Когда в человеке обитает Божественная благодать, то порой он осознает это, а порой и нет: Господь не позволяет нам ощущать это, чтобы уберечь нас от искушения возгордиться.

Когда мы понимаем, что благодать пришла в нас, то чувствуем это совершенно особенным образом, который и указывает нам на то, что это именно благодать.

Святость

Святые не проявляют себя каким-то необыкновенным образом, а святость их часто остается невидимой для человеческих глаз. Потому что, как правило, духовные явления узнаются не телесными, а «сердечными очами», которые открываются благодаря чистоте, смирению и любви.

С внешней точки зрения, святые никак не выделяются и не отличаются наружностью от остальных людей. Те, кто встречают их в повседневной жизни, не зная, кого видят, общаются с ними как с обычными людьми. Одни святые очень нервозны: у них

бывают тики; другие очень резки в общении. Есть и такие, которые ужасно медлительны. У некоторых бывают телесные изъяны. Все это потому, что в святых произошла победа над ветхим человеком, но не над внешним. Святые еще не достигли полного преображения, и ветхий человек все еще продолжает проявляться через внешнее. Эта видимость может ввести нас в заблуждение и скрыть от нас то, что внутри.

Что касается духовного совершенства, являющегося главным признаком святости, следует знать, что это – не человеческое совершенство, но совершенство Бога в человеке. Святость всегда отсылает нас к Богу. В великом славословии поется: «Ты еси един свят!», а во время литургии произносится возглас: «Святая-святым!» -и хор отвечает: «Един свят!»

Цель жизни

Человеческие возможности далеко выходят за пределы земного бытия. Людям даны великие дары, но в земной жизни они развиваются очень мало. Большинство людей не достигают своего призвания и духовного предназначения. Как сказано у Паскаля, «человек бесконечно превосходит человека». Таланты, о которых говорится в евангельской притче, – это возможности, которые у нас есть и которые мы должны развивать так, чтобы они принесли плод. Мы должны осознавать, какую ответственность налагают на нас эти возможности, и действовать так, чтобы они проявляли себя.

Нашей целью должна быть жизнь в единстве с Богом. Мы должны непрестанно стремиться в Царство Небесное, для которого мы предназначены. Истинная жизнь для нас – жизнь вечная. Но жить ею мы призваны уже здесь, на земле.

Мы можем считать, что наша земная жизнь нормальна, лишь тогда, когда мы живем в единстве с Богом. Без этого мы остаемся « душевными людьми ». Душевный человек, о котором говорит апостол Павел (см.: 1 Кор. 2:14), – это человек, непроницаемый для трансцендентного, земной человек, заботящийся о мирском. Душевный человек не живет во всей своей человеческой целостности — он замкнут на себе. Душевный человек ограничен земной жизнью, не имеет иной перспективы, живет не во весь свой духовный рост, в отличие от духовного человека. Душевный человек – это эталон нормы для классической психиатрии. А на самом деле он находится в состоянии недуга, ибо дух в нем спит (см.: Рим. 11:8). Только в духовном человеке дух бодрствует, свободен, развит, расцветает и действует в соответствии со своей природой. Для духа нормой является жизнь в единстве с Богом. Жить в единстве с Богом – значит постоянно жить со Христом, иметь в себе Христа, стать обителем Святого Духа: как говорил преподобный Серафим Саровский, целью христианской жизни является стяжание Духа Святого,

Постоянное пребывание в Боге

С самого начала важно обладать правильным восприятием жизни, то есть таким, которое обращало бы к Богу все наши действия и все наше бытие. Вне Бога жизнь абсурдна, не имеет смысла и вообще ничто. Но в Боге все обретает смысл.

Соединение с Богом осуществляется изо дня в день, каждую минуту.

Все наши поступки и мысли могут стать почвой для такого соединения.

Бог – творец всех вещей. Поэтому все исполнено религиозного смысла и может проживаться духовно, в соотнесенности с Богом. Вот почему мы должны будем

дать ответ перед Богом за все мельчайшие подробности нашей жизни, за самые элементарные свои поступки, за самые низменные наши помыслы. Поэтому нужно каждое мгновение быть бдительным и все переживать в Боге.

Нужно призывать Бога, прежде чем браться даже за самые простые дела, все делать перед лицом Божиим.

Мы должны пытаться все делать в Боге и ничего не делать без Бога.

В каждое дело и в каждую мысль нужно класть закваску молитвы. Всякое дело должно начинаться с просьбой к Богу о благословении и завершаться благодарностью Богу за то, что нам это удалось, и просьбой простить нам то, в чем мы были немощны. Само дело должно совершаться если не в молитве, то, по крайней мере, в молитвенном духе, так как молитва – это первейший путь к единству с Богом.

Каждый день мы должны стремиться думать меньше о самих себе и больше о Боге, меньше жить самими собой и больше Богом; так мы сможем возрасти на пути соединения с Богом.

Каждый день отчитываться перед собой и Богом в собственных недостатках и каяться в них каждое утро переживать как новое начало – вот позволит нам сделать каждый день еще одной пенькой на пути к Богу.

Наша жизнь должна быть не статичной, но подвижной. Через каждое действие, которое мы предпринимаем, через каждый помысел мы должны собирать со Христом» (см.: Мф. 12:30; Лк. 11:23), бы мы наконец стали всем в Нем и чтобы Он стал всем в нас.